

СТАЙКЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН ПРОКЛЯТОГО

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Силлов
Закон проклятого

«АСТ»

2012

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Силлов Д. О.

Закон проклятого / Д. О. Силлов — «АСТ»,
2012 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-109481-2

Этот роман – подлинная история того, кого позже назовут Снайпером. Не призрачные воспоминания героя, внедренные в его мозг учеными, а его настоящая жизнь, настоящее имя и настоящая биография. История о том, как человек встал на Дорогу Проклятых, потому что это был единственный способ побеждать настоящих чудовищ. А для того, кто вступил на эту Дорогу, есть только один закон – Закон проклятого. Так кто же сильнее – Человек или Закон? Снайпер или его проклятие?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109481-2

© Силлов Д. О., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

ПРОЛОГ	5
Книга первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Дмитрий Силлов

Закон проклятого

Автор выражает благодарность Александру Прокоповичу за помощь в развитии цикла «Снайпер», писателю Александру Мазину, давшему роману «Закон проклятого» путевку в жизнь, Петру Разуваеву за ценные советы, а также Павлу Баранникову за помощь в создании этой книги.

ПРОЛОГ

*Где бы ты ни был, что б ты ни делал,
Между землей и небом война...*

Виктор Цой

1942 год, 20 ноября, где-то в России...

Шёл снег. Большие мокрые хлопья, лениво кружась, летели к земле и, едва коснувшись пока еще теплого асфальта, расплывались лужами коричневой жидкой грязи. Не таяли они лишь на лицах мертвых солдат, смотрящих в небо остекленевшими глазами. Снег ложился на недавно живую кожу и застывал ледяной коркой, будто пытаюсь сохранить, заморозить последний вздох, взгляд, шёпот, посланный в бесконечно далекую высоту.

Но в тот зимний день не только снег падал сверху на город. Там, в небе, ревели невидимые снизу самолеты, строчили пулеметы, грохотали разрывы. И оттуда, из непроглядно-серой пелены, свистя и завывая, летели к земле авиабомбы, чтобы снова и снова рвать её тело, перемалывать в кашу людей, здания, уродовать каменную плоть умирающего города.

По разбитой улице бежал солдат, зажимая дыру в разодранном бушлате. Из-под растопыренных пальцев сочилась кровь, расплываясь бурным пятном на желтом сукне. Человек спотыкался, падал, вставал и снова бежал вперед, скользя разбитыми ботинками по жирной осенней грязи. Казалось, он не замечал ни раны, ни близких разрывов, вздымающих к небу пласты вывороченного из улицы асфальта, ни свистящих над ухом раскаленных осколков.

«Почему *оно* еще не догнало меня? – толчками билась мысль в его голове в такт готовому вырваться из груди сердцу. – Неужели потеряло след? Вряд ли... Слишком много мертвечины вокруг, наверное, её запах сбил *его* со следа? Но *оно* не отступится, *оно* уже где-то рядом... Бежать... Может, успею...»

Человек споткнулся об изуродованный труп, тяжело упал, с трудом поднялся на ноги, но успел сделать только один шаг. Прямо над его головой раздался свист, переходящий в ужасающий вой, похожий на крик смертельно раненного демона...

Раздался взрыв... И почти мгновенно черный провал поглотил сознание беглеца...

Он очнулся в тишине.

Бомбёжка укатилась куда-то на восток, напоминая о себе отдаленным грохотом разрывов. Теперь смерть гуляла там, а здесь остались лишь развалины, дымящиеся воронки и горы трупов.

Человек приподнялся на руках и попытался встать. Странно. Он совсем не чувствовал ног. Может, просто потому, что чувствовать было нечего?

На том месте, где положено быть ногам, расплескалась кровавая каша, и жирная крыса уже копалась в мёртвой, но ещё тёплой плоти.

– Врёшь... гадина! – с трудом прохрипел раненый. – Я ещё живой!

Парень закашлялся, выплюнул на разбитый асфальт кровавый сгусток. Потом стиснул зубы и из последних сил рванул суконный отворот, с корнем выдирая оставшиеся пуговицы. Полы бушлата разошлись, обнажая впалую грудь, чуть прикрытую изношенной тельняшкой, и тощий живот, в котором зияла глубокая рана, напоминающая расплывшийся в жуткой ухмылке красный рот, оскаленный по краям неровной кромкой сломанных рёбер.

– Живой я... – прошептал человек. И жутко улыбнулся красными от крови губами. После чего слегка раздвинул края раны и осторожно погрузил кончики пальцев свободной руки в горячие, трепещущие внутренности.

И пришла боль.

Она вонзила свои клыки в истерзанное тело, кипящей смолой разлилась по тому, что еще недавно было ногами. Колоссальным усилием воли человек вернул ускользящее сознание, сжав зубы так сильно, что они, царапая осколками язык, стали крошиться во рту.

Он ввёл в рану пальцы до середины...

Лицо его стало белее мела, крупные капли пота выступили на лбу, зрачки расширились от избытка адреналина, заполнив неестественной для обычного человека чернотой глазные яблоки... но упрямые пальцы продолжали ковыряться в разодранном животе.

Огромная трещина с грохотом расколола разбитую взрывами дорогу. Земля начала содрогаться в конвульсиях, как будто что-то громадное и живое пыталось вырваться из-под неё.

Но солдат не обращал внимания на посторонние звуки. Его рука уже полностью была в открытой ране, шевелилась, искала что-то среди переплетения кишок... Наконец он нашел то, что искал, закусил губу осколками зубов – и резким движением вырвал руку из своего развороченного живота.

Раненый обессиленно откинулся назад, слабо улыбнулся бледными губами и медленно разжал руку. На его ладони, масляно переливаясь измазанными кровью драгоценными камнями, лежал серебряный металлический диск.

А земля неистовствовала. Уже две, три, шесть щелей раскололи асфальт, дымящийся от свежей, обильно пролитой крови. Казалось, будто кто-то громадный и чудовищно сильный бьется под землей, пытаясь выбраться наружу. Улица вспучивалась, скидывая с себя развалины зданий, покрывалась новыми трещинами – и опадала, чтобы через мгновение содрогнуться от еще более мощного удара.

Взгляд солдата медленно затягивался чёрной пеленой смерти, но обескровленные белые губы упрямо шептали на древнем языке слова то ли молитвы, то ли проклятия...

– *Si metu coactus, adii hereditatem...* – и трещины увеличивались в размерах, поглощая искореженные танки, трупы людей, обугленные скелеты деревьев. – *Puto me heredem, quia quamvis si liberum...* – и нечеловеческий рёв ужасного, но, безусловно, живого существа, рвущегося из недр обожженной войной планеты, заложил уши и заставил сердце замереть на секунду. – *Esset, noluissem, tamen coactus volui!* – выкрикнул солдат – и засмеялся. Он сделал то, что хотел. И ему больше не было страшно. Он успел...

Яркая вспышка неестественно яркого света разорвала воздух... и воцарилась мёртвая, всеобъемлющая тишина...

Крепкий мужик лет сорока, в ватнике и с автоматом ППШ, заброшенным за спину, подбежал к умирающему:

– Ваня, господи, да как же это... Счас, браток, погоди, не шевелись. Счас сестричку позовем, усё будет хорошо, починят тебя, залатают...

Солдат с трудом открыл глаза и протянул мужику окровавленный амулет.

– Минаич... Передай внуку... – прошептал он.

– Какому внуку, Вань? Нету же у тебя никакого внука, сам же говорил, только сынок-малец. А у меня так вообще никого родных нету... Чьему внуку передать-то?..

Но солдат уже ничего не слышал. Его остановившийся взгляд был устремлен в низкое серое небо, похожее на надгробную плиту, которая вот-вот накроет землю... И тоненький, слабый солнечный лучик, случайно пробившийся сквозь свинцовые тучи, метался, запутавшись в неподвижных ресницах мертвеца.

Книга первая ЗАКОН ВОИНА

И если, вынужденный угрозой, я принял наследство, то полагаю, что я стал наследником. Но если бы я был свободен в своем выборе, я бы не пожелал становиться им. Однако, хотя и вынужденный, но я всё же пожелал.

Римское частное право

Он лежал в грузовике, бешено несущемся по раздолбанной дороге, а любопытные звезды сверху заглядывали в дыры брезентового тента, растянутого над кузовом.

Его рука билась о что-то мягкое. С усилием приподняв ее, он ощупал посторонний предмет.

Чье-то лицо... То ли разбитое в кровь, то ли полусгнившее, в темноте не разобрать, тент был застегнут наглухо. Темнота плавала перед его глазами, словно густой черной кисель. Так бывает после хорошей драки, когда схватишь прямой в подбородок, а потом не помнишь, что было дальше. Либо после отравления чем-то очень поганим...

Снаружи бледное солнце понемногу затмевало своими лучами звезды. Правда, все равно света было пока недостаточно для того, чтобы подробно рассмотреть окружающую обстановку. Хотя чего ее рассматривать? Лежишь себе, тебя везут куда-то, рядом труп или несколько трупов. Существенная ли разница, один мертвец рядом с тобой или несколько?

Внезапно грузовик дернулся, словно животное, попавшее в ловушку. Снаружи прострелкота очередь, дырок в тенте стало больше. Ровная линия новых звезд пересекла тент, грузовик вильнул вправо... и темный мир перевернулся с ног на голову...

Он упал на тент и больно ударился головой о что-то твердое. Вдобавок на него навалилось чье-то вонючее тело, что придало ему сил. Он рванулся, оттолкнул безвольный источник зловония и пополз по направлению к небольшой дыре, образовавшейся в тенте, в надежде разодрать ее побольше и вывалиться наружу.

Ему оставалось проползти не больше метра, когда дыра вдруг расширилась без его помощи – тент с характерным треском распорол лезвие ножа. После чего в образовавшийся разрез просунулась чья-то смутно знакомая рожа, разинула рот и заорала мерзким голосом:

– Ррррота, подъем! Стррроиться на утрррррнный час физических занятий!!!

Темнота вздрогнула – и пропала, рассеченная резким светом... Возшедшего солнца? Нет. Несколько электрических лампочек, одновременно зажегшихся под потолком казармы...

Сон расплывался, нехотя выпуская его из своих объятий. Другая реальность – страшная, чуждая, но почему-то родная – слишком медленно растворялась в настоящем, пропахшем тяжелым солдатским потом, дешевым сапожным кремом и вонью больших коричневых тряпок, которыми драят полы казармы солдаты первого года службы.

– А тебе что, душарра, особое приглашение?

Удар тяжелым сапогом сбросил его с узкой солдатской койки. Еще не придя в себя со сна, он умудрился по-кошачьи перевернуться в воздухе и приземлиться на четыре точки. Это спасло его от удара головой о прикроватную тумбочку, но еще больше разозлило дембеля.

– Ишь ты, сука, какой верткий! – удивленно произнес тот, обходя двухъярусную солдатскую койку. – Как дрыхнуть – так мы всегда первые. А как законную калабаху огрести – так мы косим даже во сне? Нет уж, душок, получи заслуженное!

Второй удар был направлен точно в живот. Так бьют футбольный мяч, снизу вверх, чтоб на носок пришлась основная сила, от которой мячик летит высоко-высоко, прямо к черному,

звездному небу из сна, ключья которого все еще слабо колыхались там, под потолком, рядом с электрическими лампочками.

Когда ты еще не до конца проснулся, случается, что некоторые движения происходят рефлекторно. Вот и сейчас он чисто на рефлексе слегка отклонился в сторону. При этом сапог дембеля ударил левее, под мышку...

Он и сам не понял как так получилось, что нога в сапоге оказалась плотно зафиксированной между рукой и телом. И, наверно, от неожиданности, а может, по инерции от удара, он резко отклонился назад.

Хрясь!

Отъевшаяся на ворованных с кухни харчах морда дембеля с размаху впечаталась в стальной край койки второго яруса. После чего, не удержавшись на одной ноге, дембель как подкошенный рухнул на пол, заботливо покрытый «духами» в прошлом месяце защитной краской. На темно-оливковую зелень досок обильно плеснуло красным из расквашенного носа.

– Т-ты!!! Урод грёбанный!!! – прохрипел дембель, тяжело поднимаясь с пола и утирая нос рукавом нового хэбэ, только вчера выменянного у каптерщика на ящик тушенки. – Писец тебе, душара! Мыль веревку, падла вонючая!

* * *

У него было простое имя – Иван. Изначально, с рождения... Потом у него было много имён. Вначале – глупые и обидные прозвища в школе, так как дети не любят тех, кто держится особняком, не желая пакостить учителям или вместе с одноклассниками мучить пойманную кошку. Потому сверстники мстили – когда подло и исподтишка, а когда набросив на голову пальто и навалившись кучей и молотя в два десятка маленьких, детских, злых кулачков. Дети жестокий народ. Впрочем, когда они вырастают, мало что меняется.

Потом была армия, в которой для молодых солдат, кроме «дух» и «урод», других имён не существует. А вот если «дух» и «урод» ещё и подчеркнута избегает общества сослуживцев, так как не курит, не пьет дешевую водку и не любит воровать без особой надобности, – вот тогда ему приходится уж совсем туго.

Его били. Его били утром, днём, вечером и ночью. За то, что плохо вымыл пол, за то, что не выпросил у гражданских, работающих в полку, пару сигарет для «дедушки», за то, что слабее, за то, что родился в центре Москвы, а не в сотне километров от Кольца, и просто так, оттого что можно ударить безнаказанно. Его били всегда толпой, так как один на один делать это было опасно. Не потому, что он умел драться. Просто порой случалось так, что тот, кто пытался избить его, сам неловко оступался и падал, причем сильно и больно... Однажды его били особенно жестоко, и здоровенный дембель сломал ему руку. Провалившись в госпитале несколько месяцев, он вернулся в часть. И всё началось сначала.

Он терпел. И медленно сходил с ума. Он почти разучился говорить. Да здесь этого и не требовалось. Достаточно было вовремя буркнуть «Есть!» или «Так точно!», приложить руку к потертой пилотке – и к солдату не было бы никаких претензий. Но часто слишком болело избитое тело, отказывался нормально работать измученный бессонными ночами мозг и голодные спазмы постоянно терзали желудок, заворачивая его в тугую, ноющую спираль. И потому двигался и соображал он медленнее своих сослуживцев, получая львиную долю пинков и зуботычин. Он не умел заводить друзей на кухне, не умел втираться в доверие к офицерам, не умел и не хотел учиться выживать в болоте животной силы и животного страха, который называется человеческим обществом.

Правда, на втором году службы в тёмном царстве муштры и дедовщины появилось светлое окно.

По воскресеньям в части крутили кино. И вот там, в провонявшем потом, плесенью и дохлыми крысами клубе, на потрескавшемся от старости экране он как то увидел парня, который всеми частями мускулистого тела разбрасывал в стороны многочисленные шайки всяких разных хулиганов. Он видел все это и раньше, в той, другой, гражданской жизни, правда, тогда все это не имело для него ни малейшего значения. Но вдруг именно здесь, именно сейчас, под свист ног маленького экранного героя, внезапно родилась вполне серьезная цель: не надеясь на случайность, любой ценой научиться отвечать ударом на удар, стать сильнее, ибо в любой примитивной стае острые зубы ценятся гораздо выше самого изоощренного ума. Во всяком случае, применяют их намного чаще.

И начались отжимания на кулаках после отбоя уже не ради увеселения «дедушек», а ради той самой великой цели. Рядом с ним во время этих импровизированных тренировок всегда стоял пузырек с нашатырным спиртом на случай потери сознания от истощения, бессонных ночей и полученных накануне побоев. Он вешал на стену лист бумаги и колотил по стене до тех пор, пока бумага не пропитается кровью из разбитых кулаков. Он зажмурился и, стоя по ночам на тумбочке дневального, медленно пилил тупым штык-ножом собственную руку. Ему зачем-то это было нужно. Может быть, он сходил с ума. А может быть, через боль ему открывалось что-то неподвластное пониманию храпящих на койках здоровенных от природы парней, родившихся (по их разумению) именно там, где рождаются настоящие люди – за сотню и далее километров от притягательного и ненавистного Кольца.

И он, стиснув зубы, продолжал резать собственную плоть, а потом тщательно затираал кровавую лужу на полу вонючей туалетной тряпкой.

А потом в полк пришел приказ об увольнении, и тот самый «дедушка», когда-то сломавший ему руку, засобиравшись домой. Отутюженная парадка с аксельбантами и купленными значками, новый голубой берет и начищенные до блеска прыжковые сапоги со шнурками были торжественно упакованы в чемодан, и с легким сердцем окончивший службу дембель покинул ворота части.

Офицер, обязанный сопровождать дембеля до вокзала, отойдя от КПП метров двести, торжественно распрощался с подопечным, а сам побрёл к очередной любовнице.

Но новоиспеченный гражданский человек не остался без эскорта. За ним крался тот самый занюханый «дух», которого так приятно было безнаказанно лупить чем попало и днем и ночью – правда, на всякий случай держась при этом второй рукой за что-то надежно-неподвижное.

Желая срезать путь, дембель свернул на узенький тротуар между домами. Серые потрескавшиеся здания нависали над его головой, и в вое предгрозового ветра чудился скрип их ржавых арматурных скелетов, словно вот-вот готовились они сомкнуться крышами и рухнуть, похоронив под собой хрупкое человеческое тело. Но дембель не смотрел вверх и не оглядывался, торопясь успеть на вокзал до начала ливня. И потому не заметил приближающуюся сзади тень.

Удар по затылку был неожиданным. Дембель на мгновение отключился. Серый в выбоинах асфальт бросился ему в лицо и больно ударил по нижней челюсти. Парень тряхнул головой, быстро перекатился на спину и увидел на фоне хмурого неба тщедушную фигурку с перекошенным от злобы лицом и куском арматуры в руках.

– Ну, душара!

Дембель попытался вскочить, но железная палка с размаху ткнула его в грудь. Однако два года в десанте прошли не зря. Падая, дембель схватился за нее, рванул на себя – и столичный «дух», увлекаемый инерцией, свалился на него.

– Ты у меня, сука, узнаешь, что значит умереть, ни разу не потрахавшись, – здоровенный парень, перехватив инициативу, схватил «духа» за шиворот и стал бить его лицом об асфальт. Но тупая боль в затылке заставила его на секунду разжать руки и прекратить экзекуцию. – Счас,

сука, сейчас я отдохну, а потом засуну твою арматуру тебе же в пасть, – задыхаясь, прошипел дембель, на секунду отпуская свою жертву.

...Иван лежал на мостовой. По его лицу из рассеченного лба тёплой струйкой бежала кровь, заливая левый глаз и капая на серый булыжник. Он не чувствовал боли. Вернее, боль была, но сейчас её задвинуло на задворки сознания новое, странное ощущение, приближение которого он чувствовал по ночам на тумбочке дневального, вонзая сталь в свое тело. Но тогда *оно* лишь обдавало его своим ледяным дыханием – и уходило обратно в темноту ночи. А сейчас...

Внутри его тела ворочалось что-то тяжёлое и чужое. Оно мешало дышать, давило на лёгкие, и на миг Ивану показалось, что ледяное щупальце скользнуло вверх по позвоночнику, обожгло холодом затылок и влажно коснулось мозга. А потом всё вдруг опять исчезло куда-то и стало удивительно легко.

Дембель так и не понял, что случилось. Последнее, что он видел в жизни, был коротко стриженный затылок ненавистного «духа» и низкое серое небо, наконец-то разродившееся дождем. «Не успел я на вокзал», – пронеслось в голове дембеля. Он действительно опоздал... Рванувшийся вверх с окровавленной мостовой тщедушный столичный заморыш вырвал зубами горло своего мучителя...

Следствия фактически не было. В городе, где стояла воинская часть, по ночам на улицах свирепствовали молодежные банды, которые то делили между собой районы, то громили коммерческие магазины, то агитировали прохожих вступать в их ряды, а то и убивали порой этих самых прохожих в назидание сомневающимся. Ну и понятно, что ни правоохранительные органы, ни руководство части в тщательном расследовании по факту смерти простого сельского парня были не заинтересованы. И тем и другим оно подрывало показатели и не способствовало ни повышению рейтинга, ни прибавке к зарплате. Так что следствие прошло формально, глубоко никто не копал и смерть дембеля спокойно списали на деятельность воинствующей молодежи. А на разбитое лицо столичного «духа» никто не обратил внимания и тем более не удосужился увязать сей факт с убийством – окровавленные физиономии молодых солдат были в части явлением привычным и не вызывавшим лишних расспросов. Так что все быстро забыли о странной смерти дембеля.

Кроме одного человека.

Иван по ночам видел один и тот же сон – тело с разорванным горлом в луже крови на серой мостовой. Он снова пытается выплюнуть откушенное горло, но нервный спазм не позволяет раздвинуть челюсти, и кусочек окровавленного мяса проскальзывает в пищевод...

Вкус крови на губах и ощущение чего-то чужого в желудке преследовали его несколько дней. Потом стало легче. И не только потому, что чужая человеческая плоть перестала раздражать внутренности. Он сам стал другим, и сослуживцы безотчетно сторонились его, видимо где-то на уровне подсознания чувствуя темную ауру убийцы...

Но относительно спокойная жизнь Ивана, не омрачаемая излишним чужим вниманием к его персоне, продолжалась недолго...

Прежнего командира взвода, уволившегося из армии, сменил новый.

Старший лейтенант Калашников, только что вернувшийся с очередной неофициальной войны, был молод, силен и энергичен. Вдобавок ко всему у лейтенанта имелось весьма часто встречающееся среди профессиональных убийц психическое отклонение. Он был, что называется, «припавшим на кровь». Рассказывали, будто на войне он частенько подводил пленного к краю пропасти, клал ему в карманы по лимонке, выдергивал чеки и сталкивал вниз, наблюдая, как взрывается летящее тело, превращаясь в воздухе в кровавое облако.

Немалые деньги выигрывал он в «афганскую рулетку». Ложился ничком, выдергивал чеку у гранаты и ставил её на донышко, как раз напротив макушки. Малейшее отклонение

смертоносного снаряда в сторону – и взрывом лейтенанту напрочь снесло бы затылок. Но, видать, у того было три жизни.

Рассказывали, что в деревни противника он старался врываться первым и перед тем, как зайти в хижину, никогда не кидал туда гранат и не прочесывал её из автомата, как другие. Он просто заходил туда с ножом. И всегда выходил обратно.

Вот такого взводного послал Бог или дьявол Ивану на втором году службы. Калашникову было наплевать, кто дембель, а кто «дух». Он мог весь день держать взвод без воды и пищи под палящим солнцем на укладке парашютов, не позволяя не то что снять сапоги, но даже расстегнуть ворот. Сам он, привыкший в горячих точках и к холоду, и к жаре, и к питьевому режиму, всегда в начищенной и наглаженной форме шагал вдоль плаца и приговаривал:

– Вот таким образом, товарищи солдаты, из вонючего дерьма либо выковываются настоящие десантники, либо оно сгнивает окончательно, и, кроме вони, от него ничего не остается...

Ивана лейтенант невлюбил сразу и всерьез, хотя родом взводный был тоже из столицы, а в армии, как известно, принято покровительствовать землякам независимо от званий.

Но не в этом случае.

Если остальным солдатам Калашников просто отравлял жизнь, то земляка он, видимо, решил «достать» как следует. Бесконечные наряды на кухню чередовались с бессонными ночами на тумбочке дневального. Малейшие провинности Ивана замечались и наказывались. Мытьё туалета стало почти что ежедневной его обязанностью, причем Калашников сам проверял качество уборки, проводя по полу своим стерильным носовым платком. И если на нём появлялось пятнышко – новая уборка и новые наряды. Свои «воспитательные меры» лейтенант мотивировал тем, что, мол, «все равно эти дохляки не тянут на настоящих мужиков. Так пусть хоть очко научатся драить качественно...»

Но иногда прибавлял:

– Хотя бывают исключения. Это когда дерьму надоедает быть дерьмом, и оно превращается в камень. Правда, думаю, это не ваш случай, товарищ солдат. Вам суждено быть дерьмом до конца жизни.

И вот однажды, когда Иван уже начал после отбоя проваливаться в свой – и только свой мир снов, так похожих на другую реальность, в его койку врезался каблук лейтенантова сапога:

– Ты сегодня мыл туалет?

«Как будто не знает, гад, сам же в третий раз в наряд поставил...» – подумал Иван, вырываясь из мягких объятий сна, а вслух пробормотал:

– Так точно...

Перед его носом возник платок, измазанный полосами блеклых серых разводов.

– Вставай и перемывай. А после – ещё два наряда вне очереди.

Накопившаяся злоба поднялась от солнечного сплетения и выплеснулась наружу свистящим шепотом...

– Да пошёл ты на хер, лейтенант...

Калашников, казалось, на секунду задумался. Платок мерно закачался перед носом Ивана, словно метроном, отсчитывающий секунды перед взрывом. Потом тихий голос произнес:

– Встать, товарищ солдат...

Иван, трясась от ярости, подчинился.

– Одевайтесь.

Иван стал медленно одеваться, ожидая начала привычной экзекуции: «Отставить, отбой, сорок секунд подъем...»

Лейтенант молча стоял, смотрел и ждал, заложив руки за спину и перекатываясь с каблучков на носки.

– За мной, товарищ солдат.

Калашников повернулся и направился к двери.

«На губу¹... Ну и хрен с ним, отсижу, хоть не видеть несколько дней этой рожи», – думал Иван, выходя из казармы вслед за лейтенантом.

Лейтенант шёл впереди, не оглядываясь. Они зашли за угол. Иван зло дышал сквозь зубы в камуфлированную офицерскую спину.

«Ведь не спится паскуде, носит его по полку, сволоту такую. Ни себе ни людям спать не даёт...»

Тягостные размышления прервала страшная боль в солнечном сплетении. Иван схватился за живот и упал на колени. Новый удар по затылку швырнул его лицом в землю. Он задергался как червь, извиваясь на асфальте и пытаясь протолкнуть в легкие глоток воздуха. Безуспешно. Иван понял, что сейчас тут же и сдохнет, рядом с раздавленным «бычком» дешевой «Примы» у лица.

Но сдохнуть ему не дали.

Его как котенка схватили за ворот застиранной хэбэшки и чем-то тяжело хрястнули по спине. Легкие судорожно сократились, он с хрипом втянул в себя воздух и тут же снова упал на асфальт, захлебываясь слюной и желчью.

Когда туман в голове рассеялся, Иван увидел у своей щеки носок начищенного офицерского сапога.

– Вставайте, товарищ солдат, – раздался над головой насмешливый голос. – Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Сумел послать на хер офицера – сумей ответить...

Иван поднялся на трясущихся от слабости ногах. Лицо лейтенанта уродливым, расплывчатым пятном маячило впереди... Дурнота тяжелыми волнами ворочалась в мозгу, выворачивала наизнанку желудок. Все плыло перед глазами... Вдруг на какую-то долю секунды Иван увидел, как над офицером нависла громадная, прозрачная тень...

– Собака ты бешеная, Калашников. И сдохнешь как собака...

Новая волна боли скрючила Ивана. Теперь лейтенант бил его расчетливо, не позволяя потерять сознание, ладонями по болевым точкам, так как грамотный удар ладонью в нервный узел не оставляет синяков, но при этом превращает человека в орудий ком невыносимой боли.

Через несколько минут избиение, наконец, прекратилось, но тело Ивана продолжало самопроизвольно сокращаться, суча сапогами по асфальту, как будто невидимый двойник лейтенанта все еще продолжал экзекуцию.

– Может, я и сдохну как собака. Но вы, товарищ солдат, сдохнете раньше...

Калашников, морщась, стирал платком кровь с сапога. Его подчеркнутая вежливость, столь резко отличающаяся от привычного офицерского мата, действовала на солдат гипнотически, как шипение удава на мартышек. Но только не в этом случае.

Ивану казалось, что он во все горло кричит: «Я убью тебя, тварь! Я выгрызу тебе глотку, как тому ублюдку!» Но он лишь хрипел, катаясь по земле. Старший лейтенант Калашников слишком хорошо знал свое дело.

Немного полюбовавшись на результат своей воспитательной работы среди личного состава, лейтенант повернулся и направился к воротам КПП. Мыслей не было никаких. Он и так знал – теперь этот отброс будет любить его, как родного, и по первому требованию вылизет не только сортир, но и его, лейтенантову, задницу. Русского человека слишком долго приучали боготворить своих мучителей...

Но, не дойдя нескольких десятков метров до КПП, он вдруг услышал за спиной приближающийся яростный топот сапог... И удивленно обернулся.

¹ Здесь и далее: значение непонятных слов и специфических выражений можно посмотреть в словаре, размещенном в конце данной книги.

Только что валявшийся у его ног полудохлый земляк бежал на него, накручивая на руку солдатский ремень. Пряжка болталась на конце кожаной полосы на манер кистеня.

Лейтенант удивленно поднял брови и, пробормотав: «Ну ни хрена себе...» – сделал шаг в сторону, одновременно нанеся парню удар в многострадальное солнечное сплетение.

Иван не сумел остановить разгон и налетел на кулак, как медведь на рогатину. Дыхалку снова перехватило. Он медленно осел на землю.

Однако продолжения не последовало. Немного очухавшись, он поднял глаза. Лейтенант смотрел на него с невероятным интересом, как натуралист на доселе невиданную муху.

– Ты, парень, лучше не дергайся, убью ведь на хрен.

Калашников подошел, взял Ивана за воротник и поставил на ноги.

– Сегодня утром, за час до подъема, приходи в спортзал. Посмотрим, что ты за фрукт на самом деле. А сейчас шагом марш спать, товарищ солдат. У тебя осталось два часа. Время пошло.

Лейтенант повернулся и пошел в сторону КПП.

Иван очень хотел кинуться следом, чтобы все-таки долбануть пряжкой ненавистный затылок... или хотя бы попытаться это сделать... Но подгибающиеся ноги вдруг как-то разом отказали. Да и тупая боль в избитом теле нахлынула с новой силой. «Ничего, я терпеливый. Я подожду удобного случая и все равно тебя грохну. Рано или поздно, – думал Иван, ковыляя обратно в казарму. – Рано или поздно...»

* * *

Ни в какой спортзал утром Иван не пошел. Весь день Калашников не обращал на него ни малейшего внимания, лишь под вечер, проходя мимо, сплюнул ему под ноги:

– Все вы горазды языком болтать – «убью, зарежу». А на деле – говно говном...

Иван мрачно проводил его взглядом.

На следующее утро ровно в пять часов он стоял у дверей полкового спортзала.

«И какого хрена он тут делает в такую рань? – думал Иван, кутаясь в хэбэ от утренней сырости. Злости на лейтенанта почему-то не было. Иван удивлялся сам себе. – „Посмотрим, что ты за фрукт“, ишь ты! Препарировать он меня собрался, что ли?»

Иван поискал глазами что-нибудь тяжелое, но на чисто убранной территории не было ничего похожего на трубу или бесхозный кирпич.

«Ладно, будь что будет», – решил он и, обхватив руками онемевшие от холода плечи, присел на деревянную скамейку, торчавшую возле крыльца.

Лейтенант прибежал к дверям зала голый по пояс, молча открыл дверь и пропустил замерзшего парня внутрь.

Спортзал был оборудован на совесть. А как же иначе – ведь «ВДВ – не шутка», как было написано на плакате, сразу бросающемся в глаза при въезде в полк.

Калашников подошел к тяжелому ростовому мешку и обрушил на него серию мощных, коротких, почти невидимых ударов. Кулаки и голени с чавканьем врезались в восьмидесятикилограммовый снаряд, который как пушинка отлетал к стене. Ничего общего с киношными вертушками и прыжками. Каждый удар – наверняка и, наверное, насмерть. Красоты, опять же, никакой. Просто страшно. Иван сразу понял, что там, возле казармы, его не били, а так, чуть-чуть потрепали загривок, как старый, матерый кобель учит уму-разуму нашкодившего щенка.

– А теперь ты давай, – кивнул Ивану немного запыхавшийся лейтенант. – Покажи, что можешь. Если можешь, конечно.

Иван несколько раз со всей дури саданул по мешку. Однако удара не получилось, несмотря на отжимания по ночам и усердно набиваемые кулаки. Только хрустнул и противно заныл выбитый из сустава большой палец правой руки.

– Не так.

Калашников стал показывать.

– Кулаки сжимай крепче. Начинаешь движение тазом, потом по кратчайшей траектории вкручиваешь руку или ногу. Старайся бить сначала в пах, потом – в челюсть или в кадык, так наверняка свалишь любого...

Часа через полтора, когда замученный Иван упал на скамью, лейтенант присел рядом.

– Ну как, живой?.. – весело спросил он.

Иван спрятал под задницу распухшую руку.

– Нормально. Слышь, лейтенант, а на кой тебе эта благотворительность? – с трудом переводя дух, спросил он. – Сначала мудохаеть меня до потери пульса, теперь – учишь... Зачем я тебе нужен?

Калашников задумался.

– Что-то есть в тебе такое... – ответил он после минутной паузы. – Ты ведь позавчера не драться, ты ведь меня убивать шел. Так?

– Ну, наверное... Во всяком случае, собирался, – немного подумав, согласился Иван.

– Я так и понял. А остальные только сопли жуют и матерятся ночью в подушку... Пока что ты, конечно, дерьмо. Но именно то дерьмо, из которого получают камни...

Иван насупился, но лейтенанту на его огорчения было глубоко наплевать.

– Слышь, а ты в десант-то как попал? – продолжал он. – С виду ты никак не чемпион по боксу или тяжелой атлетике.

Иван молчал.

– Понятно. Небось военкому пузырь купил и в личном деле стройбат на десант переправил?

– Автобат...

– Чего ты там бормочешь?

– Автобат в личном деле был, – сказал Иван громче.

– Один хрен. А в десантуру ты пошел, чтоб настоящим мужиком стать. Так?

Иван продолжал молчать, хмуро уставясь в стену.

– Так, – ответил за него лейтенант. – Ты запомни, парень. В этой жизни ты никому на хрен не нужен. И никто никогда не станет делать из тебя настоящего мужика, если ты не займешься этим сам. Это Закон Воина. И, кстати, из тебя действительно настоящий воин получиться может. Дух у тебя есть, а это главное. Только тебя подтолкнуть надо, задать направление.

Иван вопросительно поднял глаза. В армии слово «дух» имело только одно значение.

Калашников рассмеялся:

– Да нет, ты меня не так понял. Дух... Ну, стержень, что ли. В общем, как у древних самураев было: наставить на Путь Воина, которым дальше ты пойдешь сам. Короче, с сегодняшнего дня и займемся. Мне тоже в одну харю тренироваться не с руки. Так что давай, теперь каждое утро за час до подъема – сюда. Сопливый ты ещё, вкалывать тебе покамест и вкалывать, как медному котелку, пока чему-нибудь путному научишься.

– Сопливый, – не на шутку разобиделся Иван. – Да я недавно... – начал он – и осекся.

Дальше начинался рассказ о том, как забитое, безвольное существо вдруг неясным образом превратилось в убийцу. А об этом знать не следовало даже этому ненормальному лейтенанту, которому, что человека прихлопнуть, что таракана – труд одинаковый. Но лейтенант ничего не заметил. Зато он заметил другое:

– С рукой что?

– Ничего, – буркнул Иван.

– Понты будешь дома перед телками колотить. Давай сюда палец.

– Да я...

– Руку, военный!

Иван нехотя подчинился.

Лейтенант как-то радостно схватил его за руку с синим, распухшим суставом у основания большого пальца, зажал ее между коленай, схватился за палец и с силой дернул на себя, слегка довернув его в конце движения. Хрустнуло снова. Иван заорал, не столько от боли, сколько от неожиданности.

– Вот теперь порядок, – сказал лейтенант, осмотрев руку и с неохотой ее отпуская, так как отрывать от нее больше было нечего.

Иван с удивлением осмотрел кисть. Боль утихла, и, похоже, опухоль начала спадать.

Выходя из зала, Иван понял, почему у него не было злобы на этого человека, изрядно поиздевавшегося над ним вчера. Среди полковых офицеров Калашников тоже был один. Одинокий волк-убийца, на чьем счету было немало чужих жизней. Два волка – матерый и молодой – сначала грызлись, после – обнюхались и признали друг в друге общую кровь. Потому и прошла ненависть. Ворон ворону глаз не выклюет...

Первые месяца полтора Иван был для лейтенанта вместо груши. В прямом смысле на своей шкуре он изучал болевые точки и уязвимые места, которые ночью не давали уснуть, помеченные на тренировке лейтенантовым кулаком. Зато Иван быстро научился их защищать и сам наносить ответные удары. Правда, с Калашниковым это не очень выходило – разве только тот специально раскроется. Но уж на мешке Иван «отрывался» на всю катушку. Видать, не зря до потери сознания отжимался до этого по ночам – удары на глазах становились техничнее, хотя нужной мощи в них еще не было.

– Ничего, – говорил Калашников. – Уйдешь на дембель, найдешь на гражданке нормального тренера, который не заставляет крутить ката и не поёт про высокий смысл единоборств, а учит тому, что нужно в реальной драке. Качаться начнешь, ожожёшься как следует – будет из тебя толк...

Шло время, измеряемое теперь не подъемами и отбоями, а часами тренировок. Иван составил календарь, по которому получалось, что до дембеля ему нужно отработать в спортзале тысячу триста часов. По два часа каждый день – утром и вечером, перед отбоем. И если он не укладывался в график, то на следующий день обязательно наверстывал упущенное.

Время шло. И зачеркнутых, отработанных часов становилось все больше.

– Слышь, а что ты имел в виду, когда сказал, что я схожу как собака? – как-то спросил Ивана лейтенант. – У тебя были такие глаза, будто... даже не знаю, как и сказать-то...

– Я просто знаю, как ты умрешь, – ответил Иван.

Калашников вылупил глаза:

– Ты чего, братишка? Крыша поехала?

– Да нет, – парень пожал плечами. – Просто сильно ты меня тогда довёл, перемкнуло у меня. А в такие моменты со мной бывают всякие чудеса...

– И что же тебе привиделось, – лейтенант криво усмехнулся.

– Ну... – Иван замялся. – Я просто знаю, что тебя убьют в драке. И что это будет страшная, но мгновенная смерть...

Калашников недоверчиво хмыкнул:

– Понятно. Когда меня на войне замыкало, и не такие глюки мерещились. Даже без шмали так заворачивало – только держись... Хотя, – добавил он, подумав, – хорошо, если бы так. О такой смерти только мечтать можно.

И тут Иван впервые увидел, как лейтенант улыбнулся.

Этот разговор был за три месяца до долгожданного дембеля. И буквально перед тем, как Иван получил документы на увольнение, с лейтенантом случилось страшное...

* * *

Сорокалетний Степан с говорящей фамилией Первачев работал полковым кочегаром, отличаясь отменным трудолюбием и беспробудным пьянством. Помимо основной работы, в свободное от запоев время Степан гнал свой фирменный самогон, который славился на весь полк – полстакана валили наповал любого, а утром человек просыпался со светлой головой, как будто и не пил вчера. Посему продукция Первачева ценилась всеми без исключения, даже трезвенниками, которых можно было по пальцам пересчитать. Отблагодарить за услугу литровкой кочегарова «первача» было высшим проявлением хорошего тона. За этой местной валютой и захаживал иногда в кочегарку непьющий Калашников.

Бывало, что и засиживался за чашкой чая допоздна у любившего поболтать кочегара. В тот раз – слово за слово – крепко поспорили они о бойцовских качествах догов.

– Ко мне в дом дальше ограды не пройдет ни один чужой. Мой Самсон убьет любого на месте! – грохнув кружкой о тумбочку, заявил слегка поддатый Первачев.

– Опять же, Степан, ты неправ, – качнул головой Калашников. – Спорю на десять литров твоего самогона – я найду к тебе в дом с голыми руками.

Здоровенный кочегар, сам похожий на красномордого дога, хлопнул себя по коленям и оглушительно расхохотался:

– Ставлю двадцать литров против твоего «макарова», офицер, что мой Самсон свалит тебя, не успеешь ты захлопнуть калитку.

– Не вопрос, – Калашников хлопнул ладонью по прокопченной руке кочегара...

Недалеко от домов офицерского состава трудолюбивый Степан своими руками выстроил домик-сказку с резными оконцами, флюгерами и нереально аккуратной черепичной крышей. Но любые сказки необходимо охранять от завистливых вандалов, и потому кроме ружья и колючей проволоки на заборе эта сказка была оснащена еще кое-какими сюрпризами специально для желающих покуситься на частную собственность.

На следующее утро лейтенант с группой офицеров-свидетелей подошел к дому кочегара. Тот вышел навстречу.

– Ну что, десантник, не передумал? – широко улыбался он, демонстрируя полный рот золотых зубов.

– Давай, выпускай своего бобика и готовь мой самогон, – усмехнулся в ответ Калашников.

– Зря ты это, Андрюха, – покачал головой один из офицеров, приглашённых на шоу в качестве свидетеля. – Хрен его знает, что там за тварь. Я б на твоём месте не рисковал.

– Ничего, за кордоном и не такое бывало, – лейтенант наматывал на левую руку уже третье солдатское вафельное полотенце. – Покажем гражданским, что такое настоящий десант...

Огромная серая тварь вышла из дверей дома. Мускулы переливались под атласной кожей. Большая, лобастая голова медленно поворачивалась туда-сюда – пёс, как камера охранного монитора, прочёсывал окрестности двора и, обнаружив около невысокого забора группу незнакомых двуногих, глухо зарычал.

Калашников сплюнул под ноги и резко открыл калитку.

«Чужой!»

В мозг охранной системы по кличке Самсон поступила информация, реакция на которую была всегда одинаковой. Пёс присел на задние лапы и длинно, через весь небольшой дворик послал свое тело в цель. В воздухе он вытянул вперед лапы, раскрыл пасть и чуть повернул голову. Обычный человек не успел бы и охнуть – толчок лапами в грудь с почти одновременным захватом горла зубами не оставлял ни малейшего шанса уличному воришке.

Но Калашников туго знал свое дело.

Он спружинил ногами, принял удар лап на грудь и, одновременно засунув обмотанное полотенцами предплечье в оскаленную, слюнявую пасть, другой рукой ухватил пса за нижнюю челюсть и стал её выворачивать.

Ситуация резко поменялась. Псина упала на спину и отчаянно завизжала, моля о пощаде. Уже Первачев бежал к ним, крича:

– Отпусти собачку, ты выиграл!!!

Уже свидетели-офицеры, хоть и покручивая пальцами у виска, уважительно бормотали что-то вроде «вот ведь бляхамуха!» или «ну ни хрена ж себе!».

Уже и сам Калашников маленько расслабился, ожидая, когда же хозяин возьмет на поводок побеждённого пса... когда случилось непредвиденное.

Через довольно высокий забор во двор дома перелетела еще одна машина убийства – соседка Самсона той же породы, давняя его подруга и партнерша по плановым вязкам, услышавшая визг поверженного самца...

Слишком долго опешившие офицеры расстегивали кобуры пистолетов... Челюсти самки сомкнулись на затылке лейтенанта и с легкостью перекусили шейные позвонки... Уже палили табельные «макаровы», уже пули вовсю хлестали тело собаки, но она только сильнее сжимала зубы...

Когда всё было кончено, Самсон выбрался из-под пары неподвижных тел, обнюхал их и, поняв, что теперь-то на его участке всё в порядке, равнодушно пошел в дом, даже не заскулив над подругой, отдавшей за него жизнь. Мужчины часто не ценят и не замечают истинной любви. Самсон не был исключением...

* * *

Иван стоял на платформе и ждал поезда. Электричка опаздывала, но парню не хотелось идти в здание вокзала. Он предпочёл постоять под мелким, противным дождем, чтобы первым увидеть долгожданный поезд. Сколько раз, засыпая на жёсткой солдатской койке, он мечтал об этой минуте. Минута настала, но, как ни странно, особой радости на душе не было. Человек – странное существо. Даже когда в жизни завершается самый страшный её период, люди часто где-то в глубине души сожалеют, что он окончен, и стараются вспоминать только хорошее.

Иван вспоминал Калашникова. Несмотря на свою наглость, беспощадность и самоуверенность, офицер оставил в памяти совместные тренировки, трёп «за жизнь» и только Ивану понятное одиночество в глазах – вечный спутник настоящего бойца. Всё остальное отошло на второй план, стало незначительным и ненужным...

Иван отчетливо помнил момент, когда вдруг увидел смерть лейтенанта. Там, за углом казармы, когда тот пинал его сапогом в ребра, в какой-то момент Иван увидел снизу, с заплыванного собственной кровью асфальта, как на стоящего над ним Калашникова сзади легла громадная собачья – да собачья ли? – тень.

Огромные лапы обхватили офицера за плечи, мясистый язык свесился из слюняво-красной пасти. Глаза жуткой твари были... человеческими, но как бы застывшими, полными боли и пустоты, какими бывают остекленевшие глаза повешенных...

Призрак медленно наклонил квадратную башку, чем-то похожую на тупорылый лоб головного вагона электрички, изогнул непомерно длинную шею и погрузил клыки в человеческую плоть. Калашников стоял, что-то говорил, не замечая, что из его прокушенной шеи фонтаном хлещет чёрная кровь. Откуда-то Иван знал, что это чудовище в собачьем облике существует на самом деле. И, несмотря на то что сквозь тело призрака просвечивает луна, он уже связан с офицером невидимой нитью и их встреча неминуема... Видение исчезло, но не исчезла уверенность в скорой смерти лейтенанта...

Всё сбылось, как это бывало и ранее и с Иваном, и со всеми остальными в его многократно проклятом роду. Сейчас он вспоминал дедовы рассказы о матери, о её молодости, об отце... И было в этих рассказах так много ужаса, крови и людской жестокости, что сжималось сердце и всё труднее становилось радоваться жизни. Потому как и в своем прошлом мало радости находил Иван, а вот грязи и боли было хоть отбавляй...

Отец его был ясновидящим, мать – деревенской колдуньей. Не той, которые сейчас вошли в моду и делают на суевериях немалые деньги, а самой настоящей.

Отец, будучи маленьким мальчиком, стал свидетелем страшного события, которое и разбудило его доселе дремлющую силу. Без видимой причины была зверски убита его мать – бабушка Ивана... Топор убийцы на две половинки раскроил череп самой справной и хозяйственной бабы в деревне. Сына не пускали в избу, но малец всё же прорвался сквозь заслон соседей, влетел в дверь и уставился оловянными глазами на страшную картину.

Его мать, как сидела за столом, так и осталась сидеть навеки. Голова, расколотая точно посередине и напоминавшая треснувший спелый арбуз, была готова вот-вот развалиться надвое и лишь чудом оставалась на месте. Кровь, вперемишку с серым мозговым веществом, забрызгавшая все вокруг, ещё не успела свернуться, и потому сын, вбежав в избу, чавкнул ботинками в луже материнской кровищи, безумными глазами посмотрел вокруг, но, так как ступить было некуда – кровь была повсюду, – так и остался стоять с расширенными от ужаса глазами.

Тут же следом вбежали соседи и вывели мальчонку наружу. Тот не сопротивлялся, только лицо его застыло, превратившись в страшную, неестественную маску. Глаза так и продолжали смотреть в одну точку бессмысленно и не мигая, будто заглядывая в мир мертвых, куда отправилась его мать.

– Что с тобой, Коленка? Очнись, маленький, – хлопотали бабы вокруг мальчика. А он вдруг жутко улыбнулся, лицо его озарилось злым, потусторонним светом...

– Мамку-то зарубила тётка Ульяна, а топор схоронила под крыльцом, – сказал пацан – и потерял сознание.

Мёртвая тишина повисла над двором. Вдруг толстая, дебелия женщина упала на колени и завопила в голос, заблажила, захлебываясь слезами и брызжа слюной:

– Ня верьте, люди добрыя-я-я!.. Брешеть, сучонок! Бреше-е-еть!..

Длинные разметававшиеся волосы голосившей бабы мели пыльный двор, безумные глаза вращались в орбитах, на полных губах выступила пена, ломаемые припадком руки скребли по земле...

– Напраслину возводить, ведьма-а-ак!.. Ня верьте-е-е!..

Но тут принесли вымазанный запекшейся кровью топор. Тетка Ульяна сразу сникла. И вдруг, уставившись на ребенка, зашептала, тыкая в его сторону скрюченным пальцем:

– Сатана... Изыди, Сатана... И отец твой был бесом, и матери твоей в земле покою нет и не будет... И сам ты проклят, и род твой проклят во веки вечные...

Безумную утащили, и ещё долго ее вопли доносились из-за изб. Бабу заперли в амбаре – дожидаться наряда милиции из райцентра. Да только, наутро открыв двери, народ остолбенел.

Тётка Ульяна висела на деревянной балке под потолком амбара. Прокушенный сиреневый язык вывалился изо рта, на лице застыла маска невыразимой боли и ужаса. Шею женщины захлестнул жгут, сплетенный из её собственных волос, выдранных с мясом из головы. Какая сила вознесла тётку Ульяну под крышу трехметровой высоты амбара, что видели её замороженные ужасом и смертью глаза перед кончиной – осталось загадкой. Да только бабки на завалинке судачили по вечерам, втихаря, крестясь и поминая Божье имя:

– Никак убиенная-то поднялась посередь ночи да и придушила Ульянку. Не зря, жива была – великой колдуньей считалась...

Коля же с той поры замкнулся в себе. Он мог часами сидеть на одном месте, глядя в одну точку, и вдруг иной раз выдавал такое, что глаза на лоб лезли не только у приютившего сироту старого, одинокого деда Евсея Минаича, но и у всей деревни. То, не выходя из избы, скажет, где искать отбившуюся от стада корову, то упредит народ схоронить лошадей, а наутро люди найдут в окрестностях села следы стоянки большого цыганского табора, то подойдет к десятилетней девчонке, сироте-замухрышке, и ни с того ни с сего на полном серьезе скажет:

– А ведь, когда подрастешь – поженимся, судьба у нас такая... Жаль только, счастья нам не видать...

Девчонка та тоже, как говаривал народ, была «чуток блажененькая». Её ещё в младенчестве нашли завёрнутую в пелёнки на крыльце и приютили добрые люди. Да только ребенок рос «не от мира сего», молчаливым и замкнутым. Днём и ночью могла девочка бродить по лесу, выискивать какие-то травы и корешки, перебирать их, что-то прищёптывая и напевая про себя.

Приёмные родители до поры до времени считали это своего рода игрой. Однако, когда «дитё неразумное» своими корешками вылечило безнадежно порванного медведем на охоте пса, к увлечениям ребенка стали присматриваться внимательнее. Оказалось, девочка может запросто сидеть возле самого злющего волкодава и что-то ему рассказывать, а здоровенная, лохматая псина слушает, свесив голову набок, и чуть ли не кивает лобастой башкой, поддакивая и соглашаясь. Может подойти к корове, у которой пропало молоко, погладить грустную, мягкую морду, пошептать что-то в ухо, скормить корешок... Глядишь, на следующее утро бурёнка даст ведро отличного молока.

Но люди опасаются всего непонятного, и, хотя знахари и ведуньи в российской глубинке так же естественны, как в городе сантехники, сироток сторонились, дети не играли с ними, да и сами они особо не стремились к общению. Всё чаще их видели вместе – то в лесу, то просто на завалинке рядом с дедом Евсеем Минаичем, потягивающим самокрутку.

– Ты, Колька, энтот корешок зря сорвал – его только по осени брать надо, настаивать долго, а силу он набирает к Рождеству, – разьясняла Наталья своему самозваному «жениху».

– Ну и что, – пыхтел Колька. – Ты бы лучше корове бабки Тропчихи загодя свое слово сказала, а то она вскорости опять молока давать не будет...

– И откель вы про всё знаете, – дед Евсей качал седой головой. – Мальцы ведь, а об таком судачите, от чего и у взрослого голова вспухнет...

А «мальцы» подрастали. Народ говорил о них разное, но в беде первым делом шел к избе деда Евсея, рассуждая про себя: «Один бесёнок не подсобит, так другой авось не откажет».

Девчонка совсем уж переселилась к деду. Приёмные родители не возражали, порешив: «Баба с возу – кобыле легче», – ведь в голодные послевоенные годы каждый лишний рот в семье был обузой, а подросткам и несли, и везли уже со всей округи. Особенно после того, как однажды во двор деда Евсея вихрем влетела телега, на которой убитый горем мужик привез аж из самого райцентра свою жену, два дня назад укушенную змеёй и уже распухшую от яда. В больнице докторша, разведя руками, сказала мужу пострадавшей:

– Мы помочь уже ничем не можем. Попробуйте, съездите в Покровку. Там есть двое знахарей, может, возьмутся...

Мужик помчался за сорок верст, в общем-то уже ни на что не надеясь. А когда увидел двоих детей, вовсе пал духом. Наталья же – девчонка-подросток, от земли не видать – осмотрев больную, сказала:

– Оставляйте, дядя, жену вашу, а через три дня вертайтесь...

– Хоронить? – зло пошутил мужик, кусая губы.

Наталья медленно подняла глаза, внимательно посмотрела на него и не по-детски серьезно сказала:

– Авось поживет ещё... – повернулась и, не оборачиваясь, ушла в дом. А мужик, то ли поверив в малолетнюю колдунью, то ли увидев что в её глазах, крестясь и оглядываясь, пошел к повозке, бормоча:

– Спаси и сохрани, Господи, спаси и сохрани...

И непонятно было, кого спасать – то ли укушенную женщину, то ли сломя голову гнавшего лошадь домой мужика...

А через три дня приехавший обратно мужик чуть не свалился с повозки от радости и изумления: его недавно умирающая супруга вместе с Натальей полола огород за избой деда Евсея. Колька с дедом сидели на завалинке и только усмехались, когда обалдевший от счастья муж сначала боялся дотронуться до жены, веря и не веря в чудо, а потом бросился целовать всех подряд – и ребятишек, и жену и даже пропавшего махоркой, бородатого и колючего Евсея Минаича, который отбрыкивался и орал дурным голосом:

– Ты что, вражина, с ума сошёл?! Уйди, оглашенный, уйди от греха, прости господи!..

– Бывает же настоящая любовь, – тихонько вздохнула Наталья.

– Бывает... – эхом откликнулся Николай, потом отчего-то нахмурился и, отмахнувшись от счастливого мужика, ушел в избу.

* * *

Прошло два года.

Коля вытянулся и возмужал, поражая редкостной, пугающей красотой. Какая девчонка не маялась бессонницей по ночам, вспоминая широкие плечи, скуластое, волевое лицо и черные, бездонные глаза, пронизывающие до самых сокровенных уголков беспокойных девичьих душ?

Наталья тоже повзрослела и превратилась из замухрышки в статную, симпатичную девушку с не по возрасту задумчивым взглядом. Правда, ей далеко было до Татьяны – первой красавицы на селе, да и, пожалуй, во всей округе. Русая коса до поясницы в руку толщиной, фигура богини и огромные, нереально зеленые глазищи заставляли оборачиваться не только молодых парней, но и уже пожилых мужиков, давно променявших ласки своих жен на бутылку самогона.

– Ух, дьяволица! Такую бы прижать в темном углу, да и помереть от счастья, – облизывались они, провожая масляными взглядами крутой Танюхин зад.

Однако Таня вроде и не замечала столь пристального внимания мужской половины населения, а всё чаще посматривала в сторону избы деда Евсея Минаича. Вездесущие бабки понимающе кивали и, сплевывая шелуху от семечек в пыль, гадали – в этом или в следующем году пойдут под венец Татьяна с Евсеевым Колькой. Только дело было за малым – Колька, казалось, и не замечал Таниного существования. По-прежнему ходил в лес с Натальей, помогал по хозяйству и на пару с ней спасал от болезней и разной другой напасти односельчан и их домашнюю животику.

Наконец, однажды Татьяна не выдержала и вечером под села на завалинку деда Евсея, улучив момент, когда рядом с Колькой никого не было.

Поздоровались. Посидели, помолчали. Татьяна поерзала туда-сюда пышным задом, подала вперед и без того высокую грудь с невзначай расстегнутой верхней пуговицей праздничной кофты и задушевно начала:

– Что ж ты, Коленька, ни на танцы, ни на гулянки не ходишь, все с дедом старым да с Наташкой. А веселиться-то когда ж?

Колька пожал плечами:

– Да мне и так с ними весело. А танцевать-то я и не умею...

– Хочешь, научу? – Татьяна придвинулась поближе. – Приходи завтра в клуб...

– Да не, Тань, не по мне это. Спасибо тебе, я уж как-нибудь так...

– А хочешь, ко мне приходи... – совсем потерявшая стыд, раскрасневшаяся деваха взяла парня за руку и, прижавшись упругой грудью, жарко зашептала в ухо: – Приходи, любый, измаялась вся. Приворожил ты меня, колдун проклятый, заснуть не могу, глаза закрою – ты стоишь...

– Да ты что, Танька, ополоумела...

Колька вскочил с завалинки и резво чесанул в избу – только пятки засверкали...

– Ну и черт с тобой!

Танька в слезах, кусая губы, вскочила с завалинки и побежала прочь от избы.

– Пропади ты пропадом, век бы тебя не видать...

* * *

Но давно известно: просто сказать, да не просто забыть. Видать, крепко втюрилась Танюха в Кольку, если через неделю вновь подловила парня одного в лесу, куда тот пошел по какой-то своей ведовской надобности.

– погоди, Коленька, – девушка ухватила парня за рукав. – Ты уж прости меня, дуру, за прошлое, совсем я стыд потеряла. Да только не могу я без тебя, хоть вешайся. Не думала, что такое в жизни взаправду бывает, не верила. А сейчас... Хочешь, бей меня, хочешь – ругай, только не уходи...

Девчонка упала перед парнем на колени:

– Любый мой, прошу Христом Богом, возьми меня прям здесь, не венчанную. А потом – хоть трава не расти. Бог меня простит, люблю я тебя...

Другой мужик на месте Кольки давно бы потерял голову и, не боясь ни Бога, ни мести односельчан, завалил Танюху на мягкий лесной мох, наплевав на строгие и жестокие в этом отношении негласные законы глухих российских сел. Но смущенный Колька поднял девушку с коленей, погладил по голове и тихо сказал:

– Прости, Танюша. Красивая ты, хорошая. Но... я другую люблю...

– Наташку... – Танька смахнула наворачнувшиеся злые слезы. – Сучку-подкидыша... Грешись с ней, вражина?

– Да она и не знает, что я люблю её, – Колька грустно улыбнулся. – Ходим вместе, живем, считай, в одной избе, а сказать не могу...

– Знаю я всё.

Наталья вышла из-за дерева.

– Следила, тварь? – В изумрудных Танькиных глазах полыхнула ненависть.

– Да не следила – мимо шла. А чё следить? Тебя небось в деревне слышать... А Коля пусть сам выбирает, кто ему больше по сердцу.

Наталья подошла и прижалась к парню.

– Да выбрал я давно уж... Ты прости, Тань, видать, не судьба...

Татьяна медленно пятилась назад. Красивое лицо девушки перекосила дьявольская ухмылка. Глаза из-под густых бровей глядели жутко, пальцы сжатых кулаков побелели, между ними проступила кровь от воткнувшихся в ладони ногтей.

– Ну попомнишь ты меня, Коленька. И ты, подруга, попомнишь. Мне не судьба, да и вам, ведьмаки, счастья не будет... Будьте вы прокляты!

С этими словами Татьяна скрылась за деревьями.

«Попомнишь... Будьте прокляты...» – эхом отозвался лес.

– Странная она, – Николай пожал плечами. – Мы ж ничего ей не сделали. Зачем проклинать-то?

– Люди злые, Коленька, – Наташка крепче прижалась к парню. – Злые и завистливые... Но с тобой мне ничего не страшно...

– Как бы Танька не натворила чего. Чует мое сердце – беда будет, – мрачно сказал Николай, обнимая подругу.

* * *

Однако в последующую неделю все было спокойно. Только Танькина мать ходила по дворам, спрашивая у людей:

– Вы, часом, мою дурёху не видали?

Люди в ответ пожимали плечами – мало ли куда может запропасться молодая, свое нравная девка? Может, хахаль в соседней деревне завелся, а может, и вовсе из нашей глухомани в райцентр махнула.

– Чего такой красавице делать в нашем захолустье? Объявится непутевая, не гоношись, мать, раньше времени, – говорили люди...

Прошла неделя, другая, и вдруг однажды хмурым утром деревню поднял на ноги истошный женский вопль. Голосила Танькина мать. Татьяна действительно объявилась.

Возвращаясь из ночного, пастухи увидели в озерной ряске край знакомой всей деревне кофты. Почуя неладное, принесли багры и вытащили на берег то, что совсем недавно было Татьяной.

Распухшее, порченное тлением и озёрными жителями тело вместо бывшего восхищения вызывало лишь ужас. Только лицо красавицы смерть как бы не решилась превратить в уродливую маску. Казалось, что девушка уснула и чему-то улыбается во сне. Только улыбка была ехидной и торжествующей, как у садиста-палача, наконец-то прикончившего свою жертву. Люди, суеверно крестясь, отходили от трупа – по коже мороз шел от зрелища столь странной посмертной гримасы. Даже голосившая родная мать, увидев лицо дочери, замолчала, охнула, прикрыла рот рукой и попятилась назад.

– Ведьма... – пробормотал кто-то в толпе.

А кто-то, напротив, припомнил, как Татьяна в слезах убегала от Кольки, как последние дни ходила сама не своя. Еще кто-то услышал и подхватил... И вот уже вся толпа, разом забыв всё добро, которое Наталья и Николай делали людям, поначалу тихо, а после во весь голос зароптала:

– Ведьмаки девку испортили... Точно, они, больше некому...

– Будя! – возвысил голос председатель сельсовета. – Сама Танька за парнем бегала, а что утопилась – дура девка, не тем будь помянута. Надоть теперь о похоронах думать, а не самосуд над безвинными чинить...

Толпа поворчала маленько, погудела недовольно, да и начала потихоньку расходиться.

Труп погрузили на телегу и увезли, но долго ещё после похорон вспоминали люди страшную улыбку утопленницы, втихаря прибавляя: «Спортил не иначе ведьмак девку, как есть испортил...» – не забывая, однако, в случае какой беды или хвори, пряча глаза от соседей, идти на поклон к тому самому «ведьмаку».

Хоть и не в чем было винить ни Кольку, ни Наташку, но суеверный народ стал ещё больше их сторониться...

Но людская память короткая. Может, со временем забыл бы народ деревенский о своих страхах и подозрениях. Но ведь не зря говорят – беда не приходит одна.

* * *

Шла как-то из курятника бабка Гришачиха, шкандыбала себе потихонечку, боясь лишний раз тряхнуть лукошко со свежими яйцами. Погода была отменная, небо чистое, ни облачка, ни ветерка. Вдруг неизвестно откуда налетевший вихрь с силой толкнул бабку в согнутую спину, сбил её с ног, швырнул об забор лукошко и... снова всё стало тихо, будто ничего и не было.

Встала бабка, отряхнулась, заплакала и побрела в избу. И с той поры каждый день, а особенно ночью, стала Гришачиха тихонько плакать-горевать неизвестно о чём, за короткий срок высохла вся и совсем перестала вставать с печки.

– Что с тобой, мама, – наперебой спрашивали её три сына-бугая.

– Ой, да кто ж его знает, сынки? Тяжко на душе, будто давит кто, а слезы сами и текут... – тихо шамкала бабка, а соленые капли продолжали течь по морщинистым щекам, пропитывая вышитую цветами подушку. И совсем уж собрались сыновья идти к «ведьмакам» на поклон, как рано утром раздался стук в дверь их просторной избы.

– Ой, соколики, погадаю, всё как есть расскажу, что было, что будет...

На пороге стояла статная, очень красивая цыганка в красном платке. Чрезвычайно редко встречающиеся у кочевого народа зеленые глазищи странно контрастировали со смоляным буйством кудрявых волос. Гостья весело глядела на парней, звенело на шее монисто, и столько в ней было кипучей, первобытной энергии, что хотелось угодить этой женщине, подчиниться ее почти осязаемой силе, сделать то, что она пожелает, и рука любого хозяина сама тянулась положить в её котомку кусок пирога или монету.

Но парни стояли хмурые, исподлобья глядя на незваную гостью, и в дом её приглашать особо не торопились.

– Что, соколики, не верите в цыганскую ворожбу? – Женщина сверкнула глазами и улыбнулась, показав ряд жемчужных зубов. – А я ведь знаю – горе поселилось в вашем доме. Злые люди порчу навели на вашу семью, да мать всё на себя приняла, а теперь мается...

– Откель знаешь? – Старший положил руку на косяк и навис грузным телом над гостьей.

– Да все говорят... – Цыганка перестала улыбаться и чуть попятилась. – Ну не хотите, люди добрые, как хотите...

– Постой, – старший верзила немного смягчился. – Помочь сможешь?

– Отчего не помочь хорошим людям? – оживилась цыганка.

– Заходи, добрая женщина, будь как дома. Только мамку спаси – плоха больно, – старший распахнул дверь и пропустил внутрь гостью, которая, позванивая браслетами и ожерельем, подошла к печке.

– Ой, горе тебе, женщина, – запричитала она над Гришачихой. – Злые люди позавидовали твоей семье, собрали волосы ваши и страшный заговор наложили на тебя и на детей твоих...

Бабка молча смотрела на цыганку, моргала подслеповатыми глазами, а слезы, не переставая, текли и текли...

– Могу помочь беде вашей, люди добрые... – цыганка повернулась к парням. – Да только дорого вам это обойдется, – закончила она тоном базарной торговки.

– Сколько? – еще сильнее насупив брови, угрюмо спросил старший.

– Сто рублей – всего ничего за такую работу...

Братья повесили головы. Старший громко – как ножом по стеклу – скрипнул зубами. Таких денег не было не только в их крепком хозяйстве, да и, наверно, во всей деревне.

– Не горюйте, милые, – цыганка вновь подала голос, косясь на старшего. – Доброе дело, так и быть, сделаю, даже себе в убыток. Отдадите коня, повозку, шубу новую, сапоги – глядишь, и сочтемся.

Повздыхали братья, почесали затылки... Но чешись – не чешись, мать-то спасать надо... Ударили по рукам.

Цыганка чего-то пошептала, подожгла клочок сухой травы, извлеченный из вороха цветастых юбок, бросила его в чашку с водой, напоила тем пойлом Гришачиху и повернулась к братьям:

– Всё, соколики. Будет ваша матушка здоровее и веселее прежнего...

– А не брешешь? – Старший приподнялся со скамьи. – Что-то больно быстро ты лечишь, голубушка.

– А ты сам посмотри, милоч, – цыганка засуетилась, явно опасаясь плечистого молодца. – Бабушка-то уже и не плачет...

Гришачиха, действительно, перестала плакать, и потухшие глаза потихоньку приобретали осмысленное выражение.

– Ничего, у нас пока поживешь, – произнес старший тоном, не допускающим возражений. – Встанет мать – все получишь сполна.

– Да как же так, родимый? Ведь уговор был... – запричитала гостя.

– Как сказал, так и будет, – старший поднялся и оправил рубаху. – А покуда вечерять будем.

Цыганка смирилась, поняв, что деваться некуда. Однако через два дня, когда Гришачиха действительно встала на ноги, вся деревня вышла провожать цыганку. Та ехала в честно заработанной повозке, сверкая зелеными, кого-то мучительно напоминающими глазищами и своей восхитительной улыбкой.

Проводив гостью до околицы, старший брат попридержал теперь уже чужого коня.

– Ты это... не сердчай, ежели чего не так... Спасибо тебе за мать.

– Да ладно, – усмехнулась цыганка, – с Божьей помощью справилась.

– Ты скажи... – парень замялся, – кто мог это... ну... мать-то спортить...

– То сам думай, – цыганка тронула вожжи. – Говорят, есть у вас колдуны...

Повозка запылила по дороге, а парень сжимал белые от напряжения кулаки, глядя ей вслед, и повторял:

– Есть колдуны... есть...

* * *

Николай зашёл в избу, поставил в угол топор, зачерпнул ковшом из кадки воды, собираясь попить с устатку после колки дров, да так и замер, не донеся ковша до рта.

Дед Евсей сидел за столом и запросто, будто щи ложкой хлебал, разбирал на части массивный чёрный немецкий «вальтер». Уже собранный и снаряженный патронами наган лежал рядом. Здесь же на столе поблескивали ребристыми боками несколько «лимонок».

– Ты чего это задумал, дед? Война-то, почитай, лет двадцать как кончилась, – захолопал глазами Николай, ничего не понимая.

– Для кого кончилась, а для кого как бы не началась.

Евсей Минаич закончил разбирать пистолет, где-то протер, где-то смазал и начал собирать обратно.

– Про Гришачиху слышал?

Николай кивнул.

– Так вот, цыганка, что её вылечила, опосля на вас показала, будто вы на бабку порчу напустили. Деревня гудит, кое-кто уже и колья готовит. Ктой-то Таньку вспомянул, так народ вообще озверел. Небось скоро гости пожалуют.

Дед закончил собирать пистолет, с треском загнал в него магазин и передернул затворную раму.

– А мы гостям-то гостинцы приготовили... Стало быть, просто так не дадимся.

– Откель у тебя всё это, деда? – Миротлюбивый Колька всё ещё не мог прийти в себя от изумления.

– С войны запасец, Коленька, с войны. У справного хозяина всё должно быть. А нынче нам и энтог запасец, глядишь, пригодится...

– Идут, деда, – вбежала в избу Натаха. – Всея деревней и с кольями...

Евсей Минаич щелкнул предохранителем, взял «вальтер» за ствол и протянул его Кольке.

– Ну вот что, Коленька, хватай немца – и с Натахой на печку. Кто войдет – бери на мушку. Ежели я замешкаюсь – стреляй. От тебя теперича и её жизнь зависит...

Дверь распахнулась от удара. В дом, толкаясь плечами, влетели три брата – кто с колом, кто с топором – и ринулись внутрь, со свету не разбирая, что к чему в полутемной избе.

Дед Евсей пальнул из нагана в потолок. На резко затормозивших братьев сверху посыпалась труха. Они стояли, хлопали глазами, привыкая к полутьме, и, наконец, разглядели деда, державшего их на мушке, и ещё один черный дульный срез, выглядывающий из-за печной трубы.

– С чем пожаловали, соколики? – почти ласково спросил дед.

Парни сопели, сверля пол взглядами, полными бессильной злобы. Наконец, старший выдавил:

– Твои сучата на нашу мамку порчу напустили. Порешить их надобно, чтоб другим неповадно было.

– А хто про то сказывал? – Дед переводил ствол с одного брата на другого. Ладонь свободной руки тихонько поглаживала лежащую на столе гранату. В наступившей тишине слышно было, как перекатываются по столу ребристые бока смертоносного снаряда.

– Цыганка сказывала...

– Так, может, она сама напустила порчу, сама и сняла. А после с вас, дурней, коня с телегой взяла, да и поминай как звали?

Братья топтались на месте. Боевой пыл при виде настоящего оружия куда-то исчез, и теперь им сильно хотелось побыстрее отсюда смыться. Но гонор и сознание того, что односельчане ждут за дверью «ведьмачьей» крови, не давали просто так взять и уйти.

– Ты, дед, вот что, – решился старший. – Кто там чего наслал, то нам неведомо. Однако, ежели вы сегодня с села не уберетесь, ночью один хрен, не мы, так другие красного петуха вам пустят, помяни мое слово. Так что собирай, Минаич, манатки, забирай своих «ведьмаков», да и катитесь вы отсель подобру-поздорову.

Дед опустил голову. Пистолет качнулся в иссохшей руке, но тут же снова вернулся в прежнее положение.

– Спасибо, соседюшки, спасибо на добром слове, – тихо сказал Евсей Минаич. – Спасибо, что выгоняете как собаку из родного дома на старости лет. За то, что на детишек с топорами пошли, да не убили, – и за это земной вам поклон, люди добрые...

Дед встал из-за стола, гордо вскинул голову.

– Будь по-вашему, съедем мы, коли вы последнюю совесть потеряли... А теперь пошли вон, чтоб духу вашего здесь не было...

Братья вышли из дома, и долго ещё гудел народ у избы деда Евсея. Потом люди начали помаленьку расходиться по домам, а Евсей Минаич с Колькой и Натахой собрали нехитрые пожитки, запрягли тощую лошадку и на ночь глядя тронулись в путь в сторону райцентра...

Ставший уже родным, седой как лунь дедушка Евсей рассказывал Ивану, как в райцентре встретили они мужика, чью жену спасла когда-то Наталья, как помог он им перебраться в город, устроиться там на работу, пойти учиться... Как по воле столь нечастого в их жизни счастливого случая перебрались они в Москву, далекую и прекрасную, словно несбыточная мечта. Как у

Николая внезапно обострился то ли Божий, то ли дьявольский дар, который потом, через много лет, люди будут называть экстрасенсорным...

Однажды он вдруг стал отчетливо слышать голоса, произносящие странные речи. Сначала он подумал, что сходит с ума. А после понял, что невольно слышит мысли других людей.

От них было просто некуда деться. И днем и ночью люди думали, говорили, смеялись и плакали, видели сны – и всё это одновременно звенело, гремело и стучало в черепной коробке Николая адской, непрерывной какофонией. Парень бился головой о стену, плакал, ходил по врачам, Наталья поила его отварами – ничто не помогало. Николай сходил с ума, начались припадки... Наконец, однажды Наталья, будучи уже на четвёртом месяце беременности, вошла в комнату и... упала в обморок. Николай лежал на полу с простреленной головой, сжимая в руке наган деда Евсея. На столе лежала записка:

«Наташенька, прости меня, больше не могу. Сегодня ночью опять приходила Татьяна, звала к себе. Последнюю неделю она приходила каждую ночь. С ней был кто-то в чёрном. Они говорили, что без меня, психа, тебе будет легче. Но *там* я буду ждать только тебя. Скажи сыну, что я люблю его. У нас будет сын, я знаю... Прощай...»

* * *

В ночь, когда родился Иван, шел проливной дождь. Струи ливня стучали в окна домов, гроза билась в стекла, снова и снова пытаясь пробиться в человеческие жилища и залить их мощными потоками небесной воды. Роддом содрогался, стонали громоотводы, принимая в себя немереное количество электрических разрядов, и древние бабки, сведущие в разной деревенской ворожке, задерживали шторы, мелко крестились и бормотали: «Спаси, Господи, родился великий колдун...»

– Дождь, – слабо простонала Наталья, приходя в себя после тяжёлых, кровавых родов. – Дождь. Теперь его всегда будет сопровождать дождь...

– Что, милая? – склонилась над ней пожилая медсестра. – Всё хорошо, сынок у тебя родился. А сейчас отдыхать, отдыхать, милая... Много кровушки потеряла, тебе спать надо, сил набираться...

– Дождь, – шептала Наталья. – Кто родился в дождь, у того в жизни будет много слез и много горя...

Она закрыла глаза. Светлый, яркий коридор раскрылся перед ней. В конце коридора стоял Николай, улыбался и махал ей рукой.

– У тебя сын, Иван... – сказала ему Наталья, вздохнула, счастливо улыбнулась, протянула руки навстречу мужу и шагнула в сверкающий тоннель...

* * *

...Иван стоял на платформе. Дождь лил не переставая, покрывая лужи мелкой рябью и ероша перья огромных воронов, которые, кажется, сегодня слетелись сюда со всего света. Птицы топтались на перекладинах фонарей, недовольно вертели большими головами и громко материли на своем вороньем языке и дождь, и сородичей, и свою нелегкую птичью судьбу.

По пустынному перрону брело мокрое существо, у которого тоже не было особых причин радоваться жизни. Довольно крупный для своего возраста, но худой и жалкий, с потухшими глазами и обвислыми усами кот уныло шлепал по лужам, почти по-человечески вздыхая и особо ни на что не надеясь.

От роду зверю было меньше полугода, и за это время слишком мало видел он на свете хорошего. Прельстившись редкой породой, хозяин купил котенка, но потом что-то у него не заладилось с женой, та начала орать и поносить всё на свете, в том числе и непутевого хозяина

вместе с его кошаком, который и на кота-то не похож, а жрёт не меньше хорошей собаки. Хозяин, осерчав, выбросил котенка за дверь, а после, отлупив не в меру голосистую супругу, заявил, что если она не прекратит из-за всякой ерунды так гнусно верещать и трепать мужнины нервы, которые без того ни к чёрту, то он в следующий раз и её выкинет на улицу.

Зверёк побирался по помойкам, но там царила жестокая конкуренция – местные коты не пускали чужаков на свою территорию. Проиграв по малолетству и недостатку боевого опыта пару схваток, котёнок стал скитаться по городу, заглядывая в глаза людям и жалобным мявом прося милостыню. Но люди редко снисходят до кошачьих проблем, и зверёк худел, слабел, усы опускались всё ниже, и всё паскудней становилось у него на душе.

Вот и сейчас он медленно чапал по платформе, в животе было пусто уже второй день, и кот был рад, что есть ещё силы шевелить лапами. Он остановился полакать воды из лужи – благо этого добра было всегда навалом – и услышал над головой чей-то голос:

– Ну что, братан, хреново тебе?

«Мяу», – грустно ответил кошка и наступил лапой на отражение своей унылой морды в луже.

Другой голодный кот при обращении к нему человека уже давно заглядывал бы в глаза говорившего, извивался и орал дурным голосом, требуя подачки. Но этому было уже на всё наплевать. Жизнь оказалась слишком поганой штукой, и он давно перестал ждать от нее чудес. Но чудо всё же произошло в виде куска варёной колбасы, шлепнувшегося в лужу перед его носом.

Кот и человек внимательно посмотрели друг на друга. Жёлтые немигающие глаза животного притягивали к себе, и что-то очень знакомое увидел в них Иван. Похожий взгляд видел он у себя в зеркале все годы службы – замученный, отрешенный, полный безысходности, когда уже наплевать, сдохнешь ты сейчас или минутой позже. Кот не ел, не просил ещё – он просто смотрел на Ивана, и тот потихоньку начинал понимать, что куском колбасы дело не кончится.

– Ладно, братан, – неожиданно для самого себя принял решение Иван. – Поедешь со мной. Авось на что и сгодишься.

Кот не возражал, когда его подняли поперек брюха и засунули в здоровенную парашютную сумку, в которой кроме него уже было прилично всякого барахла. Он сразу узнал Хозяина – какие уж тут возражения... Животные лучше людей чувствуют настоящую Силу. Даже если её обладатель о ней пока и не подозревает...

Уже в поезде, когда Иван напоил и накормил нового друга, и тот уже начал было засыпать, свернувшись калачиком на тоненьком казённом одеяле, в купе подсел попутчик, невзрачный мужик в костюме и с кожаным портфелем. Может, мелкий служащий, а может, и начинающий бизнесмен. Ивану было все равно, расспрашивать попутчика о его житье-бытье он не собирался. Тот начал первым.

– Дембель? – спросил мужик, выставляя на стол бутылку за знакомство.

– Да вроде того, – ответил Иван.

Посидели. Выпили. Попутчик достал кусок ветчины, хлеб, зелёный лук и начал сооружать на столе нехитрую закуску.

– А я вот к родственнику ездил, – сказал мужик в костюме, наливая по второй. – Помогал дом продать. Сам бы он ни в жизнь за нормальную цену недвижимость не сдал...

«Бизнесмен», – равнодушно подумал Иван, пропуская мимо ушей пространную балладу о продаже дома.

– А это, в углу, твоё животное? – выговорившись, поинтересовался попутчик.

Животное, почуявшее ветчину, вытащило из просохшей шерсти морду со снова начавшими торчать во все стороны усами и, увидев незнакомца, ошетинилось и зашипело.

– Моё, – ответил Иван, слегка поглаживая мягкую кошачью спину.

– Ты знаешь, он, когда вырастет, будет вот такой, – бизнесмен развел ладони примерно на метр. – А с хвостом – вот так, – теперь руки были разведены до предела. – Это степная рысь, каракал называется. Видишь кисточки на ушах? Он злобный как чёрт, может и на тебя броситься. Лучше выкини ты его от греха.

Почти присмиривший зверь снова напрягся, будто понимая, о чём идёт разговор.

– Не бросится...

Иван положил руку на голову кота, и тот сразу успокоился.

– Мы друг друга сразу поняли. Он, как и я, тоже в жизни порядком горя хлебнул. Вдвоем нам полегче будет...

Попутчик посмотрел на парня, как на ненормального, пожал плечами и полез к себе на верхнюю полку.

* * *

Поезд дёрнулся, зашипел и встал, в последний раз на прощание встряхнув пассажиров. Иван вышел на перрон. Суетливая столица встретила его гомоном и толкотней. Но это была своя, родная суматоха, которой так не хватало в мрачном городе, где стояла его воинская часть. Высокое, голубое небо над головой, знакомый перрон, стаи радующихся жизни воробьев – как хотелось окунуться во все это в течение двух бесконечно долгих армейских лет!

Иван задохнулся от счастья и просто стоял на пахнущей поездами платформе, привыкая к тому, что он дома и никто в погонах со звездочками больше не скажет ему с глумливой ухмылкой: «Товарищ солдат, два наряда вне очереди...»

Но, если уж ты стал гражданским человеком – не зевай, помни, что другие гражданские люди только и ждут, когда же ты раскроешь пасть и начнешь ловить ею ворон.

Покупая у толстой, добродушной тетки пирожок, Иван набросил на плечо парашютную сумку с кое-каким барахлишком, прикупленным перед дембелем – гостинцами деду Евсею, десантной дембельской парадкой... и котом, мирно дрыхнувшим в сумке поверх всего этого добра...

Проходивший мимо человек сделал неуловимое движение, сумка сама собой соскользнула с плеча и тут же исчезла в людском водовороте вместе с новым хозяином. Иван сперва даже не понял, что случилось, подумал, что уронил её, но...

– Ох ты, горяшко, у парня сумку увели! Люди, что же это делается-то?! – завопила торговка.

Но люди шли мимо, даже не оборачиваясь на крик и лишь крепче прижимая к себе собственные рюкзаки и чемоданы...

Вокзальные воришки – тонкие психологи – знают, когда и у кого можно без особого риска «дёрнуть» поклажу. Вот и сейчас ошалевший, ничего не соображающий от радости молодой парень показался легкой добычей... Однако и у профессионалов бывают проколы...

Из толпы, бурлящей у выхода с вокзала, раздался дикий, истошный крик. Вместе со всеми Иван метнулся туда, с трудом продираясь сквозь людские спины. Ближе к эпицентру крика спины стали плотнее... и вдруг внезапно расступились.

Картина была жуткая. Кот, проснувшийся от тряски, видимо, не с той лапы, да еще и в чужих руках, драл человека. Драл со знанием дела – во все стороны летели кровавые брызги и клочки волос. Несчастный воришка катался по земле, пытаясь отодрать от головы присосавшееся чудовище. Но не тут-то было...

Народ толпился вокруг, не решаясь помочь, – слишком страшным было животное, убивающее парня. Иван ринулся вперед, оторвал кота от человека, подхватил сумку и припустил к выходу, подальше от греха и наряда милиции, спешащего к месту происшествия.

– Ну ты и лютый зверь, – шептал он, поглаживая трясущегося от ярости кота. – Прав был попутчик. Вот уж не думал: с виду котенок и котенок, разве что покрупнее обычного и с кисточками... Ну, значит, и быть тебе Лютым.

* * *

Иван шагал по знакомым с детства улицам и не узнавал их. Повсюду вместо коммерческих палаток выросли стеклянные магазины. Привычные, тёмные от пыли и времени вывески сменили новые, кричащие, часто ненашенские надписи... Когда Иван уходил в армию, в потоках простеньких совковых машин, привычно скачущих по ямам и колдобинам родных асфальтовых покрытий, только-только появились хищные, быстрые и плавные иномарки, выделяющиеся из общей массы, как выделяются стремительные акулы, вонзившись сверкающим телом в косяк ленивой, облезлой трески... Теперь же российских машин почти не было видно за сверкающими боками многочисленных импортных «акул»...

За два квартала от родного дома Иван зашел в небольшую забегаловку-пельменную, вернее, в ее коммерческий туалет с надписью над дверью: «С прохожих – тридцать рублей» – в надежде найти место, чтобы переодеться в десантный парадный камуфляж и предстать перед Евсей Минаичем и соседями во всей красе. Хотя в душе Иван понимал наивность этого обычая, но – традиция есть традиция. Он ещё в армии решил: пусть дед порадуется бравому виду названного внука, вспомнит годы, когда сам воевал. Авось приятно ему будет...

Сортир пельменной вопреки ожиданиям сверкал чистой и улыбкой девчонки, принимающей деньги от страждущих аборигенов и гостей столицы. Иван протянул девушке сто рублей, с удовольствием её разглядывая.

Девчонка была симпатичной, улыбочивой, из тех, про кого говорят «ничего особенного, но с изюминкой». Ещё не отойдя от армии, Иван всех женщин воспринимал так, будто они были существами с другой планеты.

– Девушка, вы не можете выручить, – поинтересовался он. – Я только что дембельнулся, и очень надо переодеться в парадную форму, чтоб домой заявиться как человеку. Вы мне не можете?

– Переодеться? – улыбнулась девчонка.

– Да нет, – слегка смутился Иван. – У вас тут нет какой-нибудь подсобки? Мне на пять минут.

– Ой, даже не знаю... Ну разве что на пять минут. Давайте быстро, вот в эту дверь, пока никого нет. И заберите ваши деньги.

– Спасибо огромное, – обрадовался Иван. – Я мигом.

Девчонка улыбнулась снова, и от ее улыбки у парня неожиданно приятно защемило в груди...

Он прошел в крохотную кабинку и только-только успел переодеться и расправить аксельбанты, как вдруг за перегородкой послышались голоса. Девчонка срывающимся голосом что-то кому-то пыталась доказать, но этот кто-то был грубее, наглее и ничего не желал слушать.

Иван приоткрыл дверь и выглянул в щелку. Двое парней примерно его же возраста стояли около девчонки и давили ей на психику.

– Слушай, мать, – хриплым голосом проговорил один. – Тут такое дело. Раскумариться надо, причем срочно. Так что давай сюда бабки без писку и шороху – и ты нас не видела.

– Ребята, у меня в кассе двести рублей. День только начался, – испуганно произнесла девчонка.

Второй парень, с виду немного постарше и покрепче первого, хмыкнул:

– Так, сучка по ходу не поняла. Нет в кассе – придется в сумочке поискать.

Он протянул руку и взял девушку за волосы:

– Все, хватит трепаться. Гони бабки, шалава...

– Погодите, ребята, я заплачу.

Иван вышел из кабинки.

– Это еще что за пятнистая глиста в скафандре? – удивился старший. – Вали отсюда, лошарик, пока тебя петухом не сделали...

Иван не знал, что такое «петух» на блатном жаргоне, но подозревал, что это есть нечто весьма оскорбительное. Парашютная сумка шлепнулась на пол, Лютый в ней недовольно вякнул. Старший на мгновение уставился на говорящую сумку и прозевал момент, когда Иван, схватив со стойки тяжелое, с острыми краями металлическое блюдо для мелочи, запустил его в голову бандита. Вращающаяся в воздухе наподобие пресловутой летающей тарелки железяка хрястнула по переносице и, вероятно, сломала её – кровь хлынула ручьем. Старший схватился за лицо, заревел и, тут же получив ногой в пах, завалился на бок, скуля и пачкая кровавыми разводами блестящий кафель.

Младший выдернул руку из кармана, шелкнул клинок, вылетая из рукояти выкидухи.

– Ты че, урод? На перышко насадиться решил?

Иван не ответил, лишь привычным движением сдернул с талии белый дембельский ремень и молча двинулся на размахивающего ножом наркомана. Белый кистень с надраенной до блеска медной пряжкой мерно покачивался в такт его медленным шагам.

– Не подходи! – завизжал грабитель.

Иван остановился, готовый в любой момент припечатать узкий лоб наркомана медной звездой.

Но младший грабитель воевать уже передумал. Он шустро сложил нож, сунул его в карман, подхватил старшего под микитки и поволок к выходу, по пути выкрикивая то, что положено кричать отступая, чтобы, как говорят мудрые восточные люди, не «потерять лицо»:

– Мы, петух сраный, ещё встретимся. Тогда ты у нас на перьях-то попляшешь. Ой, петух, попляшешь вместе со своей сучкой, помани моё слово...

Иван перевел дух, снял с кулака намотанный на него ремень. Адреналин все ещё стучал в виски, а в голове совершенно не к месту вертелся детский стишок:

«...Петушки распетушились, но подраться не решились. Если очень петушиться, можно пёрышек лишиться...»

Девчонка плакала навзрыд, размазывая маленькими кулачками по лицу дешёвую косметику...

«...Если перышек лишиться, нечем будет петушиться...»

Иван перепоясал камуфляж и подошел к девчонке.

– Да ладно тебе, – пробормотал он и неумело погладил её по плечу. – Ушли они, хватит реветь-то...

– Они опять придут, ты же слышал, – хлюпала носом девчонка. – Теперь уж точно убьют...

– Я тут живу рядом, позвони, если что, – Иван черкнул телефон на бумажке.

– Ну ты прям настоящий десантник, – девчонка перестала реветь и попробовала улыбнуться. – Хулиганов разогнал. Житья от них нет, их тут целая уличная банда... Ой, у тебя кровь, – вытаращила глаза курносая. – Давай перевяжу. И шрамы старые на руке... А правда позвонить можно, если они снова придут?

– Звони, я ж сказал, – смущенно пробормотал Иван, пока девчонка бинтовала глубокую царапину на руке от острого края металлической тарелки, столь удачно им брошенной. Хотя на самом деле не имел он ни малейшего понятия о том, как будет защищать от уличных бандитов это маленькое курносое недоразумение, когда дело дойдет до настоящей разборки.

* * *

Пронзительный – словно кот за хвост – звонок дребезжал, заливался на всю катушку, но в квартире будто все вымерли. Наконец послышалось шарканье, застучала об пол палка, заскрипел-зашелкал древний несмазанный замок, и знакомая дверь, наконец, отворилась. Седой, согнутый почти сотней нелегких лет дед Евсей Минаич подслеповато шурил глаза, придерживая на носу очки без одной дужки с толстенькими стеклами. Наконец, разглядев парня, которого воспитал в одиночку после смерти родителей, старик заплакал и протянул навстречу трясущиеся руки.

– Внучек, родной... Дождался... – зашептал Евсей Минаич.

– Ну ты что, дед, я ж вернулся, – Иван шагнул вперед и обнял старика. – Радоваться надо, а ты...

– Да я радуюсь, внучек, радуюсь, – шептал старик, а слезы всё лились из-под очков, темными пятнами расплываясь на зелёном камуфляже, увешанном значками и аксельбантами.

Потом они сидели за столом. Иван рассказывал своему, хоть и не родному, но такому *своему* деду об армии, опуская дедовщину, рукоприкладство офицеров, гнилую капусту с варёным салом – «мясом белого медведя» – в столовой. Также абсолютно ни к чему было знать Евсей Минаичу про «медпомощь» санинструкторов, часто вместо осмотра и отправки в госпиталь хандривших от голода и издевательств старшего призыва «духов», писавших зеленкой на тощих животах: «Ты служишь в ВДВ» – с последующей «воздушно-десантной калабахой» в область затылка, заменяющей и таблетки, и докторов. Иван не рассказывал, как вынимал из петли труп повесившегося «духа», как сопровождал на родину другой труп – парня задушили собственные распухшие гланды, так как тот боялся идти в пункт медицинской помощи, зная, как встречают «деды» вернувшихся из госпиталя «косарей», коими считали старослужащие всех без разбора заболевших «духов».

Он не рассказывал о «подвигах» Калашникова – только о совместных тренировках, прыжках с парашютом, учениях, стрельбах, и... казалось, что служба, действительно, похожа на ту самую школу жизни для молодежи, которой преподносят ее с высоких трибун толстые маршалы с большими звездами.

Евсей Минаич слушал, кивал, снимал, протирал и снова надевал очки, между делом смахивая невольными набегающими слезами.

– Чем теперь, внучек, заниматься-то думаешь? – спросил он, когда Иван наелся и закончил рассказывать сказки.

– Ой, дед, даже и не знаю, – Иван чесал за ухом кота, а тот сыто жмурился на тусклую кухонную лампочку. – Приду в себя маленько, привыкну к гражданке, а там видно будет...

– Помру я скоро, – Евсей Минаич опустил голову. – Тебя дождался, теперича и помирать можно...

– Да ты чего, дед?!

Иван аж привстал от неожиданности. Лютый скатился с коленей, извернувшись в воздухе, приземлился на четыре ноги, обиженно задрал хвост и, гордо вскинув голову, зашагал на балкон.

– Ты чего, дед, а? Я только-только со всеми почетными долгами рассчитался, теперь самая что ни на есть жизнь и начнется... Ты это брось, у меня ж кроме тебя – никого на всем белом свете. На кого нас с Лютым оставишь?..

– Пора уж мне, ничего не попишешь. Чую я – срок подошел.

Старик тяжело поднялся со стула.

– Надобно мне передать тебе наследство, покуда еще ноги таскаю...

Евсей Минаич поплелся в комнату, долго двигал ящиками древнего комода и, наконец, вернулся с объемистым свёртком.

– Тут тебе и от родителей – земля им пухом, – и от меня. На могилку придешь, авось вспомняешь добрым словом...

– Да ну тебя, дед, достал уже – помру-помру... – взорвался Иван.

– Тихо ты, – шикнул на него старик, разворачивая бумагу и выкладывая на стол здоровенную книгу, какие-то бланки с печатями, пачку денег и еще один сверток поменьше, перевязанный синей ленточкой от торта.

– Книгу эту предки твои всю жизнь писали, и мать-покойница к ней свою руку приложила. Тут и травы, и заговоры, и много ещё чего. Цены ей нет, одним словом. Это – дарственная на квартиру. Это завещание на остальное имущество, тоже на тебя оформлено. Денег вот маленько на первое время... А это, – Евсей Минаич медленно развязал ленточку и развернул тряпку, – это тоже вот, не дай Бог, пригодится. Время-то нонче ой какое смутное.

На столе, поблескивая черными боками, лежал «вальтер» с тремя запасными магазинами, горка патронов и четыре «лимонки».

Иван вытаращил глаза.

– Ну ты, дед, даёшь... – только и смог он произнести.

– Парень ты уже взрослый, в деревне в твои годы уже детишек имеют, так что, думаю, добром распорядишься по уму. Не как батя твой...

Евсей Минаич украдкой смахнул слезу.

– Да уж разберусь, – кивнул Иван. – Спасибо тебе, дедушка.

Он помог деду собрать вещи со стола, не переставая удивленно покачивать головой и бормотать про себя: «Вот тебе и дед – божий одуванчик... Котовский на пенсии...»

Когда же наследство было вновь упаковано в застиранную простыню, старик изуродованными войной и артритом пальцами расстегнул рубаху и снял с морщинистой шеи мешочек, сшитый из толстой черной кожи. Сколько себя помнил Иван, мешочек этот дед не снимал никогда, даже в бане, а на все расспросы отвечал лишь:

– Опосля, внучек, опосля, погодь маленько...

Руки Евсея Минаича дрожали и не слушались. И это было не от старости. Иван рванулся помочь, но потом, сообразив что-то, сел на место и притих.

Наконец Евсей Минаич справился с тесёмками и развязал мешочек. Иван вздохнул... А выдохнуть-то и позабыл.

На ладони старика отливал серебром металлический круг, внутри которого была заключена испещренная непонятными символами пентаграмма. По бокам диска топорщились маленькие крылья. Мелкие, но удивительно правильно ограненные драгоценные камни украшали амулет, и не надо было быть большим знатоком антиквариата, чтобы понять, насколько это древняя и бесценная вещь.

– Откуда это у тебя, деда... – наконец выдохнул Иван.

– От твоего дедушки. Настоящего.

– Как? Ты его знал? И молчал столько лет?

– Молчал...

Седая голова опустилась ещё ниже:

– Может, зря молчал. Но уж теперь точно самое время. Дед-то твой уж больно страшно погиб на войне. И не от фашиста. Его бомба-то уж, почитай, мертвого накрыла. Я об нем не особо много знал, он такой был, не разговорится шибко. Малахольный маленько, земля ему пухом, сердешному. По ночам бредил, всё ему какой-то человек в чёрном мерещился. А перед смертью самой он мне вот это отдал и наказал тебе передать. Я сына его после войны нашел, воспитал. Отца твоего, то есть. А он, бедолага, пулю себе в лоб пустил. К нему тоже тот чёрный человек по ночам во сне приходил. Не выдержал парень, видать. Да там и помимо этого много

всего было. И мамка твоя его не пережила – родила тебя и Богу душу отдала. Да про то ты знаешь. Вот так.

Дед протянул парню амулет:

– Держи, Иван, теперь это твое. Ты поосторожней с ним, что это такое – знать не знаю, но чую – не к добру вещица. Думал уж выкинуть его от греха, да как можно наказ предсмертный нарушить...

То ли слишком сильно тряслись руки у старика, то ли больно острым оказался край металлического круга, но на ладони Евсей Минаича внезапно открылся довольно глубокий порез. Только что не было ничего – и вдруг за секунду морщинистая рука окрасилась тёмной кровью.

– Ох ты! – Дед удивленно вскинул косматые седые брови. – Да как же это? Совсем старый стал, руки не держат...

Иван вскочил со стула и кинулся к аптечке, бросив на ходу:

– А сам мне только что – осторожней, осторожней. И на тебе.

Он залил зеленкой ранку и начал её бинтовать. А дед всё хмурил брови и бормотал:

– Чует мое сердце, не к добру это.

Потом ещё долго сидели они за столом, много несказанного накопилось за два года. Только под утро Евсей Минаич отправил парня спать, а сам после до самого рассвета сидел у окна, смотрел, как солнце осторожно высовывает из-за крыш соседних домов свою огненную макушку, вздыхал и шептал про себя, обращаясь к кому-то невидимому и могущественному:

– Прошу тебя, сделай так, чтобы проклятие потеряло силу... Пусть хоть у Ванюши все в жизни будет хорошо...

* * *

Иван проснулся поздно, удивляясь, что так долго дневальный не орёт: «Рота, подъем!»

Роты не было. Не было привычного глазу забора из двухэтажных металлических кроватей. Была однокомнатная квартирка из армейских снов, в которой он провел свое детство.

Из кухни пахло яичницей и... домом. Он есть, этот запах, родной и знакомый, который невозможно забыть и который узнаешь сразу из тысячи других запахов. Особенно если ты так долго не был дома.

Иван улыбнулся, откинулся на подушку и расслабился. Однако желудок требовал своё. Иван нехотя протёр кулаками не желающие открываться глаза, зевнул от души и поплёлся на кухню.

Дед, похоже, и не ложился. Дымящийся завтрак стоял на столе.

– Ну что, воин, проснулся...

«Воин», опухший от непривычно долгого сна, промычал что-то нечленораздельное и, с ходу плюхнувшись на табуретку, зачавкал омлетом с ветчиной.

После завтрака Иван засобирился на улицу:

– Пойду посмотрю, что нового на свете делается. Может, где на работу возьмут.

– Сходи, чего уж, – кивнул Евсей Минаич. – Только осторожней. На улицах черт-те что делается. Навоевался поди, хватит ужо, – добавил он, кивая на забинтованную руку парня.

– Да ты на свою посмотри, деда...

Евсей Минаич покосился на собственную забинтованную ладонь, покачал головой и ничего не ответил.

Лютый, жмурясь, вылез из-под дивана, потёрся об хозяина, вопросительно глядя ему в глаза, и, поняв, что сейчас в нем особо не нуждаются, полез обратно – досыпать после дальней дороги.

...Иван шел по улице, заново узнавая знакомые с детства места, которые два года снились ему почти каждую ночь. Дома, тротуары, автобусные остановки, хлопающие на ветру объявления на столбах – всё это было наяву... Двойственное чувство не покидало Ивана – какая-то часть его ещё не рассталась с армией, была там, её всё ещё давило низкое небо далекого города, где стояла его воинская часть... А другая была здесь, дома, в Москве, и до боли, до животного страха боялась, что волшебный сон окончится, прерванный истерическим криком дневального...

Возле одного из объявлений Иван остановился. На бумажке, наклеенной на столбе, был нарисован парень в замысловатой боевой стойке. Под рисунком красовалась надпись:

«Курсы самообороны. Современный реальный бой, энергетика поединка, защита от оружия, воспитание воинского духа».

– Смотри-ка, реальный бой, – пробормотал про себя Иван. – Надо б сходить посмотреть.

Он оторвал клочок с адресом и, радуясь, что так быстро нашёл то, чем советовал ему заняться лейтенант Калашников, зашагал к автобусной остановке.

...Спортзал расположился в подвале кирпичного двенадцатиэтажного дома. Иван спустился вниз по искрошенным каблуками ступенькам и вошел внутрь. Внутри пахло теплой сыростью от протянутых под потолком труб. Зал был освещен несколькими электрическими лампочками, прилепленными под низким потолком. На стенах висели флаги с непонятными иероглифами, похоже рисованными от руки. Посреди зала стояли несколько человек, вытянув руки и согнув ноги так, будто они сидели на невидимых стульях. Худой, невысокий тренер ходил между ними и периодически хлопал в ладоши. Тогда ученики с шумом выдыхали и так же с шумом втягивали в себя воздух, вычерчивая при этом в воздухе конечностями хитрые фигуры.

Иван прислонился к косяку, с интересом наблюдая за действием. Подышав, люди стали по команде тренера отрабатывать прыжки, скачки и пируэты... Со стороны всё это выглядело действительно красиво, пластично, но уж очень напоминало какой-то экзотический танец.

Окончив тренировку, инструктор подошел к Ивану:

– Нравится? Хотите заниматься?

Иван пожал плечами:

– Вообще-то все это красиво, но в объявлении написано – реальная драка...

– Конечно, – улыбнулся тренер. – Отрабатывая элементы этого стиля, вы моделируете реальную драку. Это называется «бой с тенью».

– Но ведь, если я буду так скакать на улице, мне просто дадут пинка, не спрашивая, каким стилем я занимаюсь...

Тренер, похоже, обиделся:

– А вы попробуйте дать пинка моему ученику...

Из группы, разминая кулаки, вышел высокий парень.

– Начали, – неожиданно раздался крик тренера.

Иван не был готов к такому быстрому повороту событий – на это, видимо, отчасти и рассчитывал инструктор. Высокий парень скакнул, присел и зашипел. Иван понял, что сейчас его будут бить. В голове промелькнула фраза Калашникова: «Всегда лупи первым и не думай о последствиях».

Его нога рефлекторно дернулась и угодила точно в пах шипящему ученику. Зал охнул. Парень подавился шипением, схватился за промежность и кулем упал на пол.

– Вон отсюда, – тренер с перекошенным лицом указал Ивану на дверь.

Тот пожал плечами, повернулся и молча пошел к выходу, бормоча себе под нос что-то вроде: «„Надо же было так ошибиться“, – сказал ёжик, слезая с кактуса...»

«Ничего себе, современный реальный бой, – думал он, идя по улице и гоня пинками перед собой пробку из-под шампанского. – Да, пока он шипел и приседал, из него можно было

десять раз котлету сделать... Хотя Калашников говорил, что нет плохих школ – есть плохие тренера... Ишь ты, гляди-ка, вот еще...»

Он остановился перед доской объявлений, здоровенными болтами присобаченной к стене какого-то облезлого института. «Реальный уличный бой», – коротко гласила реклама.

Иван улыбнулся. «Ишь ты, еще один уличный... Пойти посмотреть?»

Времени было – гуляй не хочу – и Иван направился по указанному адресу.

* * *

«Реальный уличный бой» тоже был в подвале. «Ну-ну, посмотрим, что там за еще один реальный, да еще и уличный», – бормотал Иван, открывая тяжёлую дверь. Та заунывно заскрипела, и Иван вылупил глаза.

Он увидел полутемное помещение, заставленное металлическими конструкциями, похожими на гильотины и электрические стулья из видюшных американских ужастиков. На полу в беспорядке валялись штанги, разнокалиберные чугунные блины и другие железяки совсем уж непонятного назначения. Несколько человек с отрешённо-ожесточенными лицами, какие бывают у сектантов или продавцов «Гербалайфа», шумно перекачивая лёгкими спёртый подвальный воздух, ворочали металлические рычаги и неподъемные гантели. На стене висели портреты основателя бодибилдинга Джо Вейдера, Арнольда и других бугрящихся мышцами святых железного спорта. Под длинным во всю стену лозунгом «Сделай свое тело достойным своего духа. Джо Вейдер» висел другой, поскромнее, написанный от руки: «Самое главное в бодибилдинге – сосредоточенность, потому что самое неприятное в бодибилдинге – это когда штанга падает тебе на ногу».

Из колонок, прикрепленных под потолком, нёсся хриплый голос, заглушающий грохот падающих на пол железок:

...В первый раз ты войдешь в этот сумрачный зал,
В царство пота, железа и сильных людей,
И суровые взгляды заглянут в глаза,
И захочется прочь убежать поскорей...

Мужик в магнитофоне не столько пел, сколько под музыку задавал определенный ритм, под который, действительно, хотелось до одури, до потери сознания качать неподъемные металлические болванки...

Но ведь ты не уйдешь, для себя все решив,
Словно в омут с обрыва, словно грудью на нож,
Стиснув зубы и слезы обид проглотив,
Ты железную штангу в ладони возьмешь...

Музыка, тяжёлая, как всё когда-либо поднятое культуристами железо, с удвоенной силой ударила в уши, мужик в колонках поднял голос на запредельную высоту...

Качай!
От начала начал
Прадед тоже качал
Рукоятку меча...²

² Слова Д. Силлова.

Хозяин этой пыточной комнаты, здоровенный детина с необъятными бицепсами и улыбкой Чеширского кота, подошел к Ивану:

– Ну чего, браток, решил маленько мясом обрасти?

На этого бугая невозможно было обижаться – он весь состоял из мускулов и искреннего добродушия.

– Да я, вообще-то, насчет рукопашного боя...

– Так это тебе в соседний подвал. Кстати, верно выбрал – тренер по рукопашке – Игорем его звать – мужик что надо. Не танцам учит, а реальной драке. Правда, железу мало времени уделяет, ему бы бицепс побольше – было бы в самый раз.

– А он тоже качается?

Парень удивленно поднял брови, словно Иван сморозил несусветную глупость.

– А как же без этого? Все нормальные киношные бойцы хоть помаленьку, да качались – и Брюс, и Норрис, и Боло Ёнг... И мы чуток у Игорька в зале ножками-ручками машем, лишнее сало сгоняем, и он у нас железо тягает... Иди-иди, он тебя делу научит. И сюда забегай, тоже в жизни пригодится...

Но Иван, наученный предыдущим опытом, решил особо не доверять столь навязчивой рекламе. «Посмотрим-посмотрим, шепнул слепой...» – бормотал он, входя в третий за сегодня спортзал...

Здесь всё было увешано боксерскими грушами. И здоровые мужики, и женщины, и тринадцати-четырнадцатилетние пацаны – всего человек пятнадцать – двадцать – с остервенением по ним лупили руками и ногами. Руководил этим делом крепенький мужик лет тридцати с усами, бородой и васильковыми глазами, сильно смахивающий на Деда Мороза, переодевшегося в свободные брюки и футболку.

Иван стоял, прислонившись к косяку, и наблюдал. Мужик хлопнул в ладоши, народ оторвался от мешков, надел перчатки и накладки на голени и по команде начал лупцевать друг друга весьма чувствительно, хотя тренированный глаз сразу определил бы, что удары всё же наносятся не в полную силу.

Иван подошел к тренеру:

– Скажите, а если реальная ситуация? Если со всей дури?

Тренер повернулся и невозмутимо оглядел Ивана с ног до головы, словно приценивался к боксерской груше в магазине. Понравилась ему груша или нет, определенно сказать было невозможно, ибо все эмоции тренера, видимо, скрывались под бородой, а в васильковых глазах не было ничего, кроме омутовой бездонности.

– Накатаете технику так, чтобы самому не покалечиться и партнера не изуродовать, – будете работать в полный контакт, – ответил он.

– А мне сейчас можно попробовать?

– Пробовать запрещено правилами клуба. Понравилось то, что увидел, – оставайся, тренируйся, дорастешь до спаррингов – спаррингуй. Не нравится – извини.

Васильковые глаза внимательно посмотрели на парня, скользнули по тельняшке, выглядывающей из-за отворота куртки.

– Но для десантника, так и быть, сделаю исключение. Пошли.

Инструктор дал команду, и группа, прекратив тренировку, расселась вдоль стены.

– Давай, – Дед Мороз стоял, опустив руки и не делая ни малейших попыток встать в стойку. Только васильковые глаза стали похожи на две ледышки.

Иван решительно взметнул ногу вверх, повторяя удар в пах, который они с лейтенантом Калашниковым нарабатывали до одурения и который не раз уже выручал его. Однако тренер повернулся как-то так, что летящий точно в цель ботинок только скользнул по его бедру. Иван не успел поставить ногу на пол – тело тренера развернулось в обратную сторону, выбросив,

как камень из пращи, раскрытую ладонь. Весьма болезненный тычок пальцами под нижнюю челюсть, голова Ивана запрокинулась назад, и, не удержавшись на ногах, он рухнул на пол.

– Это защита от удара в пах с контратакой, – услышал он над головой негромкий голос. – Мягкий вариант. Хотя возможен и жесткий. Например, если вместо тычка пальцами нанести крюк рукой в висок, то можно убить человека. Так что на улице лучше работать кулаком в челюсть.

Болевая точка на шее, куда пришелся удар пальцами, горела огнем. Иван вскочил на ноги. В душе поднималась глухая, звериная ярость. Он кинулся на тренера и... Ощущение было такое, будто его насадили на булавку, словно мотылька. В живот вошел таран, дыхание перехватило, Ивана согнуло пополам... Но упасть ему не дали. На его горле сомкнулась железная удавка, в которой он повис, словно кролик, угодивший в петлю-ловушку.

– Прямой удар ногой с последующим удушающим захватом...

Дед Мороз спокойно, как учитель анатомии на уроке, почти препарировал парня, при этом объясняя своим притихшим ученикам, как это лучше делается.

Иван дернулся, пытаясь освободиться, но удавка лишь затянулась сильнее.

– Если противник дергается, придушите его, потом бросьте на землю и возьмите на болевой. По ситуации можете нейтрализовать его, сломав руку. Если он вооружен, не разжимая захвата, ударьте его коленом под дых, после чего сверните шею...

Голос тренера доносился откуда-то издалека. В глазах запрыгали черные точки, похожие на рой крупных навозных мух, стремительно увеличивающийся в размерах.

– Всё... – выдавил Иван из себя, скребя ногами пол.

Клещи исчезли. Воздух ворвался в легкие с кашлем, слезами и соплями. Иван рухнул на колени и, схватившись за горло, дышал, дышал...

– А это не слишком жестоко, – донесся до него чей-то голос.

– В Библии сказано: «Возмутитель ищет только зла; поэтому жестокий ангел будет послан против него», – пояснил тренер. – Иными словами, противодействию нападающему должно быть адекватным. Он бил со всей силы. Если б я не увернулся, такой удар сделал бы меня на всю жизнь инвалидом. Да и защищался я не вкладываясь, вполсилы...

– Ничего себе «не вкладываясь», – Иван, утирая невольные слезы, вставал с пола.

Тренер пожал плечами и кивнул на свободный мешок:

– Начинай, показывай, что можешь. Вижу, кое-какие навыки у тебя есть. И неплохие навыки. Правда, правильно применять их ты пока не научился. Реальный уличный бой – он не для нападения, а для защиты себя и своих близких.

Иван кивнул:

– Понял. Спасибо за урок. К себе возьмете?

– Возьмем, – произнес тренер. – Завтра приходи в это же время к началу тренировки.

Иван четко развернулся на месте по старой армейской привычке и, пробормотав про себя: «Н-да... Точно не танцы...» – направился к выходу.

* * *

Осенью умер Евсей Минаич. Умер тихо, во сне, с улыбкой на лице, так, как втайне мечтает умереть каждый живущий на свете – без боли, мучений и лишней суеты. Среди ночи завыл, заплакал Лютый, и Иван, проснувшись от жалобного мява, почему-то не запустил в кота тапочком, а встал и пошел посмотреть, с чего это тот так горестно стенает.

Заметно выросший за лето зверь стоял на задних лапах, положив передние на край кровати, и звал, звал старика оттуда, куда тот ушел, оставив на этой земле единственную родню – двадцатилетнего внука и несчастного, плачущего кота...

Хоронили старика скромно, без особых почестей и оркестров. Не любил он при жизни ни того ни другого... Иван стоял над гробом, закусив губу, и не плакал. Плакала душа, щемило сердце... Ушел единственный человек, которого он любил. Исчез невидимый тыл, опора, которой мы часто не замечаем, принимая её как должное, и, лишь утратив, понимаем, как много потеряли...

С неба сыпалась мелкая водяная пыль, забираясь за воротник, норовя прикоснуться к теплым людским телам мёртвыми, холодными пальцами. Осенний ветер зло хлестал по унылым надгробиям, по кучам прелой кладбищенской травы, по лицам людей, словно выгоняя живых из жуткого города смерти.

«Почему, когда в жизни происходит что-то страшное, идет дождь?» – думал Иван.

– Небо плачет, – как бы отвечая на его немой вопрос, прошептала рядом старуха. – Значит, умер хороший человек...

Гроб опустили в жидкую грязь, и твердые куски прихваченной первой изморозью глины застучали по доскам.

«Последний, кто стучится к нам, – это комья земли, колотящие по гробовой крышке...»
Бессвязные мысли роились в голове Ивана.

«Идут месяцы, годы, века, а они всё стучатся... ко всем... и когда-нибудь ко мне... Прощай, дедушка, прощай, родной».

А небо всё рыдало, роняя на свежую могилу прозрачные слезы осеннего дождя...

* * *

...Неподъемный мешок упал на плечи.

– Давай следующий... – Голос из недр вагона не давал передышки. – Давай-давай, не телись...

Иван сбросил последний мешок и расправил ноющие плечи. Жирный подрядчик подошёл и протянул смятую купюру. Иван, не глядя, сунул её в карман и пошел к выходу с товарной станции...

...Удар, ещё удар... Руки, налитые свинцовой усталостью, не успевают подниматься... Чужая нога бьет по бедру. Боли нет – она придет потом, после тренировки, а сейчас...

– Что с тобой?

Сашка опустил перчатки.

– Ты какой-то варёный сегодня, будто на тебе всю ночь ездили...

– Точно, – буркнул Иван. – Мешки ездили.

– Какие мешки? – удивился Сашка – розовошекий, весёлый парень, почти одновременно с Иваном записавшийся в секцию...

– Вагон я разгружал. Жрать-то на что-то надо. И за обе секции платить опять же...

– И что по деньгам? – деловито осведомился Сашка.

– Сто двадцать рублей в час. Итого за ночь тысяча набегает.

– Вагоны? На своем горбу? За штуку?

Сашкина челюсть от удивления поехала вниз.

– Ну ты даешь, земляк...

– У тебя есть лучший вариант?

Сашка задумчиво почесал затылок:

– Так, значит, для полудохлых сегодня качалка у Володи по-любому отменяется... Ну что ж, попробуем помочь брату по разуму. Моральные комплексы на макушку не сильно давят?

– Я их в армейском толчке случайно утопил, – невесело усмехнулся Иван.

– Тогда договоримся, – Сашка хлопнул парня по плечу. – Сегодня провернем одно дельце – считай, что в одну харю минимум десяток вагонов разгрузил...

... Сашка зашел за Иваном в одиннадцатом часу вечера. Войдя в полутемный коридор, парень вдруг отпрыгнул в сторону и схватился за сердце:

– Ох ты, итить твою мать...

Старая, кое-как свинченная из панелей ДСП коридорная вешалка покачивалась, поскрипывала и грозилась вот-вот развалиться. С ее верхней полки горели злобным огнем два желтых глаза: Лютый, уже более чем полутораметровый от кончиков ушей до хвоста, готовился прыгнуть на незнакомца.

– Тихо ты, братан, – Иван не без труда снял с полки шипящую зверюгу и отнес в комнату.

– Ну ни хрена у тебя здесь твари водятся!.. – Сашка все еще не мог перевести дух. – Собирайся, что ли, укротитель...

Сашка приехал на старой, выдавшей вида «Волге». В машине сидел ещё один габаритный парень, занимавший почти всё заднее сиденье.

– Макс, – коротко представился парень, обнажая в широченной улыбке подгнившие зубы.

– Иван, – сказал Иван, пожимая потную, мягкую ладонь, после которой сразу захотелось вымыть руки.

– Макс – хороший парень, – сказал Сашка, заводя машину, – только малёк отмороженный. Как-то собрались по делам, я ему и говорю: «Зайдем – ты бьешь мужику в табло». Ну он и дал ему. Молотком. Я ему: «Ты что творишь, у тебя ж кулаки как гири...» А он: «Ну ты ж не сказал, чем бить...»

– Гы-гы, – поддержал разговор Макс.

... «Волга» подпрыгивала на колдобинах и стонала всеми своими железными потрохами, явно просясь на свалку.

– Дело в следующем... – Сашка лихо крутил баранку и выжимал до пола педаль газа, нимало не заботясь об уснувших на канализационных люках собаках, – те с воем разбежались в разные стороны от грохочущего чудовища. – Дело в следующем. Заходим, бьем хозяину в бубен и берем всё, что плохо лежит.

– Просто, как апельсин, – подытожил Макс с заднего сиденья.

Иван молча пожал плечами. В конце концов, не всю же жизнь разгружать эти чёртовы вагоны. Да и потом – не он, так кто-то другой даст «в бубен» неведомому хозяину. И к тому же, какая разница получит или не получит кто-то от кого-то по роже или нет? Ивана в армии лупцевали как сидорову козу, и никого это не волновало. Почему же его должна заботить чья-то судьба, даже если ненароком он сам и подкорректирует её маленько своими кулаками?

Они въехали в переулок, и Сашка остановил машину.

– Дальше пешочком, господа. Стало быть, вечерний моцион, – заявил он, захлопывая дверцу.

Троица тихонько вошла в подъезд и поднялась на третий этаж. Сашка натянул поглубже чёрную лыжную шапочку, поднял ворот куртки и позвонил в единственную на площадке металлическую дверь.

– Кто там, – раздалось из-за нее.

– Горгаз, – невнятно пробубнил себе в воротник Сашка.

– А почему так поздно?

– Утечка на первом этаже, всех проверяем...

Защёлкал хитрый импортный замок.

– Заходите, – невысокий, чрезмерно волосатый мужик в халате распахнул дверь, и тут же Сашкин кулак впечатался ему в нос.

– Непременно воспользуемся вашим приглашением, – Сашка заехал мужику под дых, и тот согнулся пополам.

В довольно-таки большой однокомнатной квартире было всё, что необходимо для нормальной холостяцкой жизни. Евроремонт, дорогая мебель, домашний кинотеатр, причудливо выкрашенные-вылепленные неровно-объемные стены в сверкающих стразах, увешанные декоративным холодным оружием, на столе – современный компьютер... В уютную обстановку квартиры не вписывался только сам хозяин, ползающий по полу и безуспешно пытающийся остановить льющую из носа кровь. Три бандита в грязных ботинках также не особо облагораживали интерьер.

– Так, берем вот это – и ноги... – Сашка указал на стопку продолговатых, явно иностранного происхождения коробок, аккуратно сложенных в коридоре. Неизвестно откуда появился объемистый мешок, в который Витёк с Сашкой начали загружать заморский товар.

– Ребята, разрешите я на кухню, за льдом... – Хозяин квартиры зажимал рукой разбитый нос, из которого за ворот халата на буйную растительность, покрывающую грудь, всё ещё капала кровь.

– Чеши, – милостиво махнул рукой Сашка, занятый упаковкой коробок.

Мужик юркнул на кухню.

– Не заорет? – поинтересовался Макс.

– Куда ему... – Сашка загрузил очередную коробку. – Они, как по рогам получают, тихие, смиренные становятся. Я за полгода на малолетке на таких насмотрелся...

– Глянь, – Макс ткнул пальцем за спину Сашки. Тот обернулся.

Иван выводил из кухни хозяина, рука которого была завернута за спину. Мужик шел на цыпочках, дыша через раз и боясь сделать лишнее движение. Видимо, боль в вывернутой кисти была несусветная... Вторая рука Ивана была занята крошечной серебристой коробочкой.

– Мамочка, сотовый, – застонал Сашка, переводя взгляд с обыкновенного телефонного аппарата, стоящего на прикроватной тумбочке, на мобильник в руке Ивана. – Как же я это тормознул-то, а? Он успел позвонить?

– Нет.

Иван бросил сотовый телефон на кровать, отчего он раскрылся и стал похожим на пасть маленького беззубого крокодильчика. А Иван, перехватив руки хозяина квартиры, деловито начал связывать волосатые запястья пленника поясом его же собственного халата.

– Раз взяли за дело – надо делать как следует.

Смастерив из хозяйских носок кляп, он засунул его в рот связанному мужику.

– Так-то, дядя, будет спокойней и вам и нам...

...У Ивана дома, куда троица привезла награбленное, Сашка любовно погладил картонные коробки:

– Вот, мои хорошие, мы и снова с вами встретились, – нежно произнес он.

– А почему снова? – спросил Иван.

– Да мы эти ноуты уже третий раз продаем...

– То есть?

– Ну через своих людей партию какому-нибудь жадному лоху-барыге впарим, а потом, как сегодня, обратно забираем, – хмыкнул Сашка. – Барыги те даже заяву в ментовку не кидают, так как у самих рыло в пуху будь здоров.

– А что, эти... ноуты, они такие дорогие?

– Ноутбуки-то?

Сашка и Макс хором расхохотались. Хохотали они долго, так что Иван успел обидеться. Он насупился, послушал еще немного Максов квакающий и Сашкин залиvistый гогот, потом встал и направился к двери.

– Да ладно тебе, погоди, – Сашка схватил его за рукав куртки. – Ты, Иван, молодец, – сказал он, прекратив веселиться. – Сегодня в натуре наши задницы спас. А нам, дуракам, наука,

чтоб не шелкали нижней челюстью... В общем, один ноут твой, и вот... ещё денег маленько, – Сашка пододвинул к парню небольшую пачку купюр, перехваченную зеленой резинкой.

– В следующий раз с нами поедешь?

– Не уверен, – ответил Иван, поглаживая мурлыкающего кота по пушистой спине. – Не мое это, людей прессовать.

– Да разве барыги – люди? – удивился Сашка.

– Не силен я в философии, – отмахнулся от него Иван. – Поживем – увидим.

* * *

Иван сидел на диване, осваивая невиданную доселе технику. Старенький компьютер у него был до армии, но он не шел ни в какое сравнение с маленьким чудом, удобно устроившимся на коленях. На экране ноутбука Брюс Ли разбежался, заносил для удара ногу и... Иван снова и снова одним движением пальца тормозил полёт великого мастера, по кадрам изучая технику боя.

Зазвонил телефон. Иван машинально двинул пальцем, и застывший в воздухе Брюс наконец-то завершил удар, от которого человек в белом кимоно отправился в полет, снося на своем пути груды ящиков. Иван протянул руку и поднял трубку:

– Да, слушаю.

– Ванюша, это я... – На другом конце провода кто-то залился слезами.

– Здравствуй, душа моя, – Иван узнал по голосу курносую девчонку. – Чего опять ревешь?

– Ванечка, они опять пришли. Сказали, чтобы я звонила тебе, а то...

– Эй, уважаемый, крутой, да? – У девчонки, видимо, отобрали трубку. – Если крутой – приходи, поговорим...

Голос в трубке был незнакомым, Иван слышал его впервые.

– А ты что за хрен с горы, – не особо вежливо спросил Иван. Лютый, до этого внимательно смотревший на экран ноутбука, насторожился, подошел к хозяину и вопросительно поднял на него жёлтые глаза.

– Ух ты, смелый какой, – восхитился голос в трубке. – Пряма супергерой – защитник угнетенных.

На другом конце провода глухо заржали несколько голосов.

– Приходи, герой, знакомиться будем, всё узнаешь. А не придешь – твоя телка больше хрена никогда не увидит. Адрес, я думаю, помнишь.

– Ладно, ждите.

Иван положил трубку и задумался. Позвонить Сашке? Но, с другой стороны, не хотелось лишний раз в глаза лезть, потом в должниках ходить. К тому же у кого-то просить помощи в решении собственных проблем Иван не привык.

– Сами разберемся...

Он подошел к комоду и вытащил объемистый сверток – дедово наследство.

Основательно подъеденные инфляцией деньги, которые дед копил всю жизнь, давно кончились. Остальное Иван, как завернул в тряпку, так больше и не доставал. Воронёный «вальтер» лежал на мамкиной книге, как верный пес, свернувшийся до поры на пороге хозяйского дома и готовый в любую секунду вцепиться в горло чужому.

Парень взял в руку тяжёлую смертоносную машинку, и та удобно легла в его ладонь. Человек и пистолет примерились друг к другу и остались довольны. Что бы там ни говорили, любое оружие – это не просто кусок металла. Его нужно любить всей душой, холить, лелеять – и тогда оно тоже полюбит тебя и не подведет в трудную минуту. У него есть свой характер, свои привычки и, если хотите, своя душа. Согретый теплом человеческой руки металл оживает

и начинает понимать свое предназначение. Не зря и самураи, и средневековые рыцари давали имена своим мечам, небезосновательно считая их живыми существами.

– Здорово, браток, – Иван погладил холодный ствол. – Поработаем сегодня?

Пистолет щелкнул предохранителем и, казалось, шевельнулся, поудобней пристраиваясь рукояткой под пальцы нового хозяина.

Иван проверил магазин, дослал патрон в патронник, поставил оружие на предохранитель и засунул его за пояс. Четыре «лимонки» лежали рядом, поблескивая черепаховыми спинками.

Одну Иван сунул в карман.

– Вот и ладушки.

Он попрыгал на месте, проверяя, удобно ли разместилось спрятанное оружие, и, удовлетворившись результатом проведенных испытаний, провел ладонью по книге, доставшейся ему от матери.

– А с тобой, подруга, мы познакомимся попозже... – сказал он. Потом подумал мгновение – и взял в руки тяжёлый фолиант.

Старинная книга, обёрнутая местами потрескавшейся кожей, внушала невольное уважение своими размерами, весом и, естественно, возрастом. Время безжалостно отметило ее своей иссохшей рукой. От книги шел запах тления и седой старины, который особенно остро ощущается в гулких музейных залах.

Иван перевернул несколько страниц. Какие-то непонятные тексты, значки, пентаграммы, вклеенные манускрипты, ветхие настолько, что на них дыхнуть-то было страшно, не то что трогать их руками. В основном – латынь и закорючки на каком-то совсем уж невиданном языке, вовсе и не похожие на буквы. Иван заглянул в конец книги. Два или три листа были исписаны убористым женским почерком, скорее всего мамкиным. Дальше – чистые страницы.

– Ну это точно попозже, – сказал он, захлопнул фолиант и положил его обратно. И тут его взгляд упал на мешочек с крылатым диском, который дед Евсей Минаич оставил ему перед смертью.

Из мешочка, перетянутого у горлышка тесемкой на манер вещмешка времен Второй мировой, торчал клинок, прорезавший в материи существенную дыру.

– Что за дела? – удивился Иван и потянул за кожаные тесемки.

Внутри по-прежнему лежал амулет. Но это уже не была просто звезда в крылатом металлическом круге.

Один из лучей пентаграммы вытянулся и хищно удлинился раз эдак в пять. Теперь это был тонкий обоюдоострый клинок, длиной примерно в ладонь. Новорожденное воронёное лезвие, как и сам амулет, было испещрено надписями на непонятном языке. За ним тянулась такая же тонкая черная рукоятка, оканчивающаяся звездой-амулетом.

Иван протер глаза. Ни клинок, ни рукоять не исчезли.

Он осторожно взял в руку кинжал. Теперь это был именно кинжал – и никак иначе.

– Выкидуха? Или не выкидуха?

Иван рассеянно вертел в руках вещицу, ища где у неё кнопка. А как иначе можно было бы объяснить невесть откуда появившееся у амулета стальное жало и чёрную, довольно тяжелую рукоять?

– Может, дед успел к диску уже после кинжал приспособить, а мне не сказал? Да нет, вроде бы на него не похоже... Странно... Твою мать!!!..

Иван и не заметил, как свободной рукой он коснулся лезвия. Вроде бы слегка дотронулся, но порез оказался неожиданно глубоким. Кровь частыми каплями стекала из ранки на стол, тут же образуя маленькие круглые лужицы. Иван припал губами к порезу и выдернул клинок из пола, куда тот воткнулся, выпав из его ладони. По- хорошему, надо было б бросить все и

пойти перевязать руку, но Иван, не в силах оторваться от диковинного оружия, продолжал его рассматривать.

– Пролетарский ножичек, со звездой, – хмыкнул Иван.

Камни ярко сверкали и переливались гранями. Казалось, будто внутри них горели маленькие фонарики.

– Хотя нет, не похож ты на пролетария, – с сомнением сказал Иван кинжалу. – Ты ж небось, если камни настоящие, стоишь в баксах как чугунный мост.

Кинжал молчал, поблескивая рубинами и старинным металлом.

Иван осторожно коснулся пальцем острия клинка. Прямо на глазах под металлом расплзлась кожа и на пальце открылся новый порез. Кровь снова закапала на стол, и так уже основательно заляпанный ею и напоминающий плаху для разделки мяса на бойне.

– Ах ты ж, падла... – с чувством произнес Иван, бросил кинжал на стол и побежал на кухню дезинфицироваться и перевязываться. Когда он вернулся, оружие лежало на столе клинком на кровавой луже, но... крови уже не было, лишь красный тонкий ободок обозначал границы недавнего вишнёво-бурого пятна.

Иван недоуменно поднял кинжал. Тот стал как будто чуть тяжелее, и вроде бы более объемной показалась чёрная рукоять. Да и клинок... Чёрт его знает, но вроде бы он стал немного длиннее.

– Значит, кровушку пьем? – спросил Иван.

Странный предмет снова ничего не ответил.

– Вот так у честных дембелей начинает ехать крыша, – пробормотал Иван себе под нос. – Ну, если ты такой кровожадный, придется тебя взять с собой. Только что ж придумать, чтобы не резаться?

Он немного подумал, потом вытащил из комода прыжковый солдатский ремень, привезенный из армии, отмахнул кинжалом кусок кожаной полосы, разрезал ее надвое вдоль, обложил клинок кусками кожи с двух сторон и скрутил получившуюся конструкцию изолентой. Получились ножны. Примитивные, но надежные.

Иван вытащил кинжал из кожаного чехла, вложил обратно. Нормально. Клинок входит-выходит легко, но в то же время не вываливается. То что нужно.

– Ну вот и ладушки, – удовлетворенно хмыкнул Иван. – Теперь хозяина полосовать не будешь.

После чего аккуратно засунул ножны вместе с кинжалом за голенище армейского берца, накинул куртку и вышел из квартиры.

* * *

Знакомый платный туалет заметно преобразился по сравнению с прошлым разом. Похоже, пельменную перекупил новый хозяин, и расширившийся храм пищеварения поглотил отраду страждущих прохожих. Хрестоматийные «Мэ» и «Жо» были закрашены свежей краской, а над новой шикарной дверью переливалась всеми цветами радуги неоновая надпись «Ресторан „У Артура“».

– Лихо, – хмыкнул Иван. – Быстро нынче в столице бизнес делается.

На двери висела табличка «Закрыто».

– Понятно, – сказал Иван и медленно пошел вдоль стены, обходя с торца двухэтажное здание.

За рестораном расположилась существенных размеров помойка, огороженная по периметру дырявой сеткой. Иван нашел дырку побольше, огляделся по сторонам и шустро пролез в нее, умудрившись не зацепиться курткой за колючие края.

Тощий помоечный пес повернул к Ивану скуластую харю и угрожающе зарычал.

– Тихо, мужик, тихо, только не ори, ладно? – прошептал Иван псу. – Я тут по своим делам и сейчас уже сваливаю. Не шуми, ладно?

Пес перестал рычать, подумал, прикинул что к чему, потом отвернулся и снова занялся селедочной головой.

«Спасибо, земляк, не выдал вражьей силе», – мысленно поблагодарил собаку Иван.

Балансируя на неустойчивых ребрах разбитых ящиков, он подошел к стене, нашел место почище, тихо приземлился, нагнулся и осторожно заглянул в окошко полуподвала.

То, что раньше сверкало кафелем, теперь было отделано вагонкой. Исчезли кабинки и писсуары, вместо них стояли столики, украшенные подсвечниками, корячились гнутыми ножками стулья с высокими резными спинками, сделанные «под старину». Во всю стену раскинулась блестящая лаком деревянная – под стать интерьеру – стойка бара с трясущимся армянским за ней. К одному из стульев была привязана знакомая Ивану курносая девчонка. Около неё стоял рослый, плечистый парень и то ли расстегивал, то ли застегивал штаны. Еще двое уже знакомых Ивану молодых наркоманов сидели за столами, время от времени поглядывая на дверь ресторана. У одного на коленях лежал короткий автомат.

Иван услышал, как плечистый проговорил почти ласково:

– Не надо выпендриваться, солнышко, открой ротик... Вот так, хорошо. Прополоскала? Умница. Больше блевать не будешь? Ну и правильно. Лучше давай договоримся по-хорошему. Возьмешь в ротик как следует – и все будет пучком. А то ведь придется зубки выбивать.

– Ребята, отпустите девушку, – подал голос армянин из-за стойки.

– Хорошо, мы ее отпустим, – ответил плечистый. – Только ты сядешь на ее место. Что баба, что мужик – какая за щеку разница?

Наркоманы хором заржали. Иван не стал дожидаться, пока те досмеются, саданул берцем по стеклу, выхватил гранату и, не выдёргивая чеки, швырнул её в помещение.

– Ой, бля, ложись!!!

Парень с автоматом слетел со стула и упал на пол, закрыв голову руками. Плечистый со спущенными штанами шлепнулся на живот и шустро заполз под стол.

Иван просунул ноги в окно и, распарывая куртку и раня тело острыми краями разбитого стекла, скользнул в помещение.

Третий парень так и не встал со стула. Он был в шоке от страха и неожиданности и сидел не шевелясь, широко распахнутыми глазами глядя на и не думавшую взрываться гранату.

Иван с ходу вломил ему под коленную чашечку носком окованного железом дембельского берца. Парень страшно закричал и упал на пол, держась за раздробленное колено. Второй удар ногой в висок заставил его замолчать навеки.

Тот, что был с автоматом, пришел в себя от крика товарища и дёрнулся за оружием. Иван развернулся на каблуках, одновременно выдергивая «вальтер» из-за пояса. Зло тявкнул выстрел. Наркоман завыл, зажимая простреленное плечо. Иван ногой отбросил автомат в сторону и повернулся к плечистому.

Тот уже стоял на ногах и, усмехаясь, застегивал штаны. Закончив это пикантное дело, он медленно поднял испещренные татуировками руки ладонями вверх.

– Эй, воин, опусти ствол, я чистый...

Иван «ствол» опускать не собирался.

– Круто вошел, землячок, – главарь банды продолжал скалиться хищной волчьей улыбкой. – Не думал я, что такую левую точку спецназ крышует. А я-то повелся на их гнилой базар.

Он кивнул на труп.

– Говорили, лохи бизнес замутили, без крыши работают, заступиться некому. Ты кто по жизни-то будешь?

Иван молчал. Вдруг в голос зарыдала привязанная к стулу девчонка:

– Они... меня... Нож у горла держали, а сами... – рыдала она и вдруг захлебнулась, дёрнулась, и её стало выворачивать наизнанку.

Иван перевел глаза на главаря. Тот пожал плечами:

– Не трогали мы ее. Почти. Не успели. А пару раз членом по губам даже за минет не считается. Сам знаешь: на клык давать – не целку ломать, зубы почистила – опять девочка... В общем, думаю, не тема для базара.

Бандит откровенно издевался, глядя Ивану прямо в глаза, будто пытаясь загипнотизировать.

Не сводя взгляда с бандита, Иван вытащил кинжал из-за голенища и перерезал веревки, стягивающие руки пленницы. Та упала на колени и согнулась пополам. Ее рвало.

Иван медленно пошел на бандита. Тот перестал улыбаться и начал отходить к стене.

– Эй, брат, ну хорошо, хорошо, давай поговорим. Мы накопировали – ну получишь с нас как добазаримся. Давай без беспредела, разрулим рамсы да и разойдемся краями...

Иван не слышал, что ему говорил главарь банды. В голове было пусто и легко. Не было ярости, не было ненависти – сейчас он просто делал то, что считал нужным. Подойдя к бандиту, он приставил ему к паху лезвие кинжала.

– Нож у горла, говоришь, держали?... Жри...

– Чего? – Бандит выпучил глаза.

Не сводя глаз с лица главаря, Иван качнул головой, указывая на заблеваный пол:

– Блевотину жри...

Он говорил ровно и четко. Не было мыслей, не было эмоций. Была абсолютная пустота – идеал, к которому так стремятся адепты учения дзен. Странная штука – абсолютная гармония черного и белого, добра и зла, когда стираются рамки, сливаются понятия и все становится простым и ясным... Страшная штука.

– Брат, ты чего?

На лице главаря был написан страх. Слишком явный для того, чтобы быть настоящим.

Иван не увидел – почувствовал, как рука бандита скользнула под куртку, татуированные пальцы привычно обхватили рукоять пистолета. Ощущение было слишком явным. Ивану почудилось, что это кинжал-кровопийца каким-то образом передал ему столь явную картинку. А еще он понял, что через секунду главарь, вытащив пистолет из-за пояса, всадит ему пулю в живот. Когда тебя собираются убить, это чувствуется очень и очень явно. И выбор остается небольшой – или ты, или тебя.

– Я же сказал – не брат я тебе! – произнес Иван, слегка шевельнув клинком.

Кинжал легко пошел вверх, сквозь ткань и плоть так, будто их и не было вовсе. Бандит вздрогнул. Взгляд его остановился, из прокушенной губы брызнула кровь. Тупорылый «макаров» вывалился из-под куртки главаря и грохнулся на пол. Иван вяло подумал, что, может, не стоит так вот уж... но не успел отдернуть руку – кинжал то ли по инерции, то ли по своей собственной злой воле продолжал страшный путь, рассекая половые органы, кишечник, поднимаясь всё выше...

Миг гармонии дзен кончился. Иван отпрыгнул в сторону, и главарь банды, зажимая руками распоротый надвое живот, рухнул на пол...

– Сзади, – завизжала вдруг девчонка.

Иван резко обернулся.

Парень с простреленным плечом поднимал здоровой рукой автомат. Иван вскинул руку с зажатым в ней пистолетом, надавил на спусковой крючок...

«Вальтер» щелкнул и... не выстрелил.

Время остановилось снова, но теперь в равновесии добра и зла не было никакого проку. Медленно, слишком медленно Иван упал на бок и швырнул кинжал в сторону раненого бан-

дита, уже видя, как тот плавно нажимает курок автомата, глядящего в глаза жертвы зрачком бесконечно чёрного дульного среза...

Иван никогда не метал ножей. Не случилось, несмотря на службу в десанте. Он знал, что чудес не бывает...

Автомат замигал короткими вспышками, но... его хозяин уже не мог точно прицелиться. Из его правого глаза торчала черная рукоятка, увенчанная крылатой пятиконечной звездой.

* * *

Иван шумно вздохнул, поднялся с пола и тяжело шлепнулся на стул. Происшедшее оказалось для него слишком сильным испытанием. Во всем теле ощущалась противная слабость. Как будто из него выдернули скелет.

Только сейчас Иван заметил, что из разорванного рукава его куртки сочится кровь. Из предплечья, как раз из того места, где он час назад порезался кинжалом, торчал острый кусок оконного стекла. Иван зажал его между пальцами и потянул. Из раны с противным скрипом вылез окровавленный осколок длиной в ладонь.

Сразу стало очень больно. Пульсирующими толчками из раны пошла кровь, пропитывая подкладку куртки. Парень откинулся на спинку стула, зажимая рану ладонью.

Подошел маленький, бледный армянин, все это время прятавшийся за стойкой.

– Ты, что ли, Артур? – спросил Иван.

– Я Артавазд, по-русски, значит, Артур, – на удивление без акцента сказал тот. – Я могу вам чем-то помочь?

– Спирта принеси. И чего-нибудь типа бинта...

– Спирта нет. Как насчет водки?

– Пойдет.

Армянин убежал за стойку и через минуту приволок бутылку водки и простыню.

– Скажите, а вам не нужна работа? – спросил он, когда перевязка была окончена. – Мне нужен охранник в ресторан, именно такой, как вы. Для начала – тысяча долларов в месяц.

– Не знаю, – покачал головой Иван. – Неплохо для начала. Только один я не справлюсь.

Артавазд оживился:

– У вас есть друзья? Они согласятся работать с вами? Если они подготовлены так же, как и вы, думаю, я сумею с ними договориться. Так вы принимаете мое предложение?

– Принимаю. И для начала надо прибрать эту падаль, – Иван кивнул на трупы. – У вас есть откуда позвонить?

Хозяин достал из кармана мобильник:

– Конечно. Звоните.

Иван набрал номер:

– Сань, это я. Есть работа. Пиши адрес. Да, на тачке подъезжайте. Всё, жду.

Отключив мобильник, Иван протянул его армянину.

– Нет-нет, это вам, – хозяин ресторана выставил вперед раскрытые ладони. – Он абсолютно новый. Я его сегодня купил, последняя модель. Даже записную книжку не успел заполнить.

Иван пожал плечами:

– Спасибо.

Он убрал подарок в карман, поднялся со стула, подошел к мертвецу и выдернул кинжал из пустой глазницы.

– И тебе спасибо, брат, – сказал он кинжалу на полном серьезе. Тот, как обычно, не ответил.

Из подсобного помещения вышла бледная девушка. Не иначе ходила умыться. Ее большие глаза с ужасом смотрели на поле битвы.

– Ну ты как? – спросил ее Иван.

– Нормально, – механически ответила она. – Они что, все мертвые? Ты их всех?..

– Да, – просто ответил Иван.

– Но... как же... Нельзя же так... Они, конечно, подонки, но, Ваня, они же люди...

Иван покачал головой:

– Это – не люди.

– Но так же нельзя... – пролепетала девушка.

– С такими – можно, – отрезал Иван. – И нужно.

Девушка посмотрела на него. В ее глазах плескался страх, но почему-то Ивану подумалось, что не покойников на этот раз испугалась курносая девчонка. И не из-за них она сейчас так поспешно выбежала из ресторана, пропахшего порохом и свежей кровью.

...Минут через двадцать подъехала разбитая «Волга». Сашка с Максом вылезли из неё, вошли в ресторан и выпучили глаза:

– Ну ни хрена себе, Бородинская панорама... Это ты их?

– Только что отвечал на этот вопрос, – невесело хмыкнул Иван. – Нет, это коллективное самоубийство.

– Да, братан. – Сашка усиленно чесал затылок, переводя взгляд с трупов на Ивана и обратно. – Ты ж конкретно на всю голову простуженный. У этого башка проломлена, у этого дырка в глазу. Ну прям снайпер-самоучка... Смотри, мужика от мудей до горла распотрошил... Господи, да это ж сам Седой... Да ты, в натуре, тронулся! Он же местный смотрящий...

– И куда он смотрит? – морщась от боли в раненой руке, спросил Иван.

– Теперь уж никуда, – заржал Макс. – Отсмотрелся.

– Ну debil... – вздохнул Сашка. И пояснил для Ивана: – Седого воры в законе поставили смотреть за районом. Теперь геморроя не оберемся.

– А чем мы хуже? – спросил Макс, нимало не обидевшийся на «дебила». – Вон наш снайпер все рамсы разом навел не хуже любого смотрящего. Пойдем к ворами, нарисуем весь расклад...

– Точно debil, – утвердительно подытожил Сашка. – Причем конченный.

– Хорош трепаться, – прервал Иван затянувшийся диалог. – Ты лучше скажи, что с трупами делать?..

– М-да. Хорошенькое дельце. «Криминальное чтиво» смотрел?

Сашка по-ленински прищурился, пощипывая несуществующую бородку.

– Без тебя знаю, что прятать надо, – буркнул Иван. – Вопрос куда?

– Куда – придумается, – хмыкнул Сашка. – Вопрос один: что мы с этого будем иметь?

– Вот он, – кивнул Иван на армянина, – нас в охранники нанимает. По штуке в месяц каждому платит.

– Тогда – не вопрос. Только ты, Иван, тоже нам с Максом еще раз поможешь, ок?

– Ок, – хмуро кивнул Иван.

– Тогда так. Можно тупо на городскую свалку отвезти. Дать штуку рублей бомзам – и через час от них даже костей не останется. Но пока по свалке полазаешь, сам так провоняешь... Поэтому выбираем более бюджетный вариант...

* * *

Из ямы вылетела лопата, вслед за ней вылез Макс.

– Ну, теперь порядок, – осклабился он. – Загружаем пассажиров.

Через минуту три трупа лежали на дне глубокой ямы.

– Н-да... – почесал переносицу Иван. – Незавидный наркоманский финиш.
– Непростые это были наркоманы, – произнес Сашка. – Заказухами занимались, а в свободное время беспредельничали. Вот и достали кое-кого.

– Тебя, что ли? – поинтересовался Иван.

– И меня в том числе, – кивнул Сашка. И, повернувшись к Макс, крикнул: – Ну ты, долго там возиться будешь?

Макс кряхтел, возясь в багажнике «Волги».

– Да сейчас! Мешок, сука, тяжелый.

Наконец он разогнулся, вытащив из багажника бумажный пакет с надписью «Негашеная известь, молотая, быстрогасящаяся, строительная, 30 кг».

– Чё я, рыжий, что ли, в одну харю такие мешки таскать? – возмутился он, волоча к яме нелегкую ношу. – Трупы грузи – я, яму копай – я, мешки – тоже я.

– При недостатке интеллекта работают руки. Голова отдыхает, – хмыкнул Сашка.

– Да пошел ты, – огрызнулся Макс, вспарывая ножом край пакета и наклоняя его над ямой.

– На морды сыпь, на морды побольше... А теперь – на пальчики... – руководил Сашка. – Так, порядок. А теперь – окропим усопших водицей, – он начал поливать трупы водой из канистры. Известь шипела и пузырилась, съедая человеческую плоть...

– Ну вот и ладушки. Теперь, если что – родная мама не опознает.

Сашка шумно втянул носом воздух и смачно плюнул в яму.

– Пусть земля вам будет пухом, коллеги... Бог дал – Бог взял, и все такое прочее. В общем, аминь, суки.

– Коллеги? – переспросил Иван. – Стало быть, теперь ты будешь заказухами заниматься?

Сашка пожал плечами:

– Видно будет. И помни, ты обещал помочь!

– Обещал – значит, помогу, – бросил Иван. – Хоть и не мое все это.

– И это правильно, что помнишь, – хмыкнул Сашка. – Пацан сказал – пацан ответил.

– Не ответил – снова сказал, – заржал Макс.

Сашка пожал плечами:

– Я ж говорю – дебил. За что и ценю. Ладно, давайте заканчивать...

... Яму завалили землей, сверху насыпали прошлогодней травы и всякой дряни. Сашка достал пачку «Беломора», распотрошил в ладонь несколько папирос и рассыпал табак над могилой.

– От пёсиков, чтоб не копались, – пояснил он. После чего достал из той же пачки еще одну «беломорину», гильза которой была завернута на кончике, щелкнул зажигалкой и, затянувшись, задержал дыхание. Губы молодого бандита растянулись в блаженной улыбке.

– Кайф, – простонал он, протягивая папиросу Ивану. – Будешь? Шмаль – улет!

Иван покачал головой:

– Это тоже не мое.

– Ну и ладно, правильный ты наш, – сказал Сашка, протягивая «косяк» Макс. – Нам больше достанется...

... Когда ехали обратно, Сашка обернулся к Ивану:

– Слушай, Снайпер, а какого хрена ты вообще впрягся за этот кабак? Из-за тёлки?

Иван молчал. Он и сам не знал, зачем полез в эдакую бучу. Потом пришло понимание – он обещал помочь. Глупо, по запарке, но обещал. Иван понял: он может переступить через человека, через кровь, через саму смерть, но не через свое «Я». Ведь самое страшное, это когда ты перестаешь уважать себя. Ивану после смерти деда было наплевать абсолютно на всё и на

всех – этому его научила жизнь. Но он слишком уважал себя. И уж если что-то обещал, то делал, несмотря ни на что.

А еще ему понравилось ощущение пустоты и гармонии со вселенной. И он был бы не прочь почувствовать его снова.

– Ну не хочешь отвечать – не надо. Но барыгу ты прикрутил лихо. Теперь надо быстренько прибраться к рукам остальное – будем выходить в люди, – подытожил Сашка.

* * *

– Чё беньки выкатил?

Макс взял за воротник бледного очкастого владельца небольшого придорожного магазинчика:

– Ты в курсе, что Седой ластами хлопнул?

Торговец судорожно кивнул.

– Хорошо, что в курсе. Так что лавэ теперь нам отстегиваешь...

– Я вас не знаю, – зашепелявила несчастная жертва, пряча глаза и отворачивая лицо от дышащей перегаром хари Макса. – Седой нам крышу обеспечивал...

– Протри лефендры, синоптик. Теперь мы – твоя крыша, папа, мама и ближайшая родня. – Сашка снял с парня очки, плюнул на них, протер его же носовым платком, вытасканным из кармашка рабочей спецовки, и надел снова. – Ты рожу-то не отворачивай, сюда смотри, лошарик...

– Да чего там слова говорить, – Макс отпустил воротник жертвы, отчего торговец стал на десять сантиметров ниже и съёжился в углу, как проколотый воздушный шар. Макс же споровисто обыскал несчастного торговца, выгреб у него из грязной спецовки дневную выручку и начал рассовывать деньги по карманам.

– Стоп! – Сашка взял Макса за руку. – Если хочешь от курочки яичек, резать её не стоит...

Макс глянул на Сашку, потом пожал плечами и вытащил деньги обратно.

– Будешь отстегивать двадцать процентов. В месяц, – сказал Сашка очкарику. – Усвоил?

Очкарик молчал. Сашка сунул средний палец в тощий живот торговца, ухватил за ребро и потянул. Жертва завизжала, корчась на крюке из человеческой плоти, закаленной на тренировках ударами в горячий песок. Сашка легонько хлопнул по тощему горлу. Визг прекратился, и очкарик зашелся в надрывном кашле.

– Ты бы не рыпался, дорогой, – тепло улыбнулся Сашка. – Не мы – так другие, делиться все равно придется...

Торговец хмуро кивнул, держась за бок и потирая другой рукой тощую шею.

– Вот и чудненько, – Сашка сгреб отчитанную из выручки пятую часть. – Через недельку заглянем в гости – ты уж не подведи... Эх, жалко Ивана с нами нет. Такой талант пропадает!

– Кстати, а он-то где? – поинтересовался Макс.

– Пусть отдыхает пока. Из пушки по воробьям не стреляют, всему свое время, – загадочно улыбнулся Сашка. – Пошли, что ли. А ты, родной, не забывай про торговлю. Труд – он облагораживает.

Очкарик вздохнул и поплелся отпирать заботливо прикрытое Максом окошко своего заведения...

* * *

Иван сидел за столом и чистил пистолет. Лютый свернулся напротив в довольно внушительный клубок и не мигая следил за работой хозяина. «Вальтер», так некстати давший осечку

в ресторане, был в порядке – подвёл слишком старый капсюль. Сейчас Лютый смотрел на блестящие новые патроны, только что купленные Иваном через Сашкиных криминальных знакомых, и ждал, когда же хозяин закончит заниматься ерундой и раскроет папку с бегаящими картинками, столь любимую огромным котом.

Хозяин ерундой заниматься закончил, вогнав магазин в «вальтер», протёр руки тряпкой... но тут задребезжал противным голосом телефон, и Лютый, недовольно фыркнув, соскочил со стола и пошел на балкон считать ворон. Кот по опыту знал, что хозяин сейчас либо куда-то уйдет, либо будет долго и нудно что-то бубнить в трубку. В любом случае, папка с картинками отменялась надолго.

Иван снял трубку:

– Кто это?

– Ваня, это Маша из ресторана.

– Привет.

Парень засунул «вальтер» в только что приобретенную кобуру и положил пистолет в ящик комода.

– Значит, тебя зовут Маша. Вот и познакомились. Никак снова хулиганы обижают?

– Да нет, просто позвонила сказать спасибо за всё.

– Пожалуйста, – хмыкнул Иван, – заходите, если что...

– Ты меня приглашаешь?

Девчонка явно напрашивалась в гости. Почему бы и нет?..

– Приходи.

Иван продиктовал адрес.

– Только у меня такой бардак...

– Это ничего, я приберу, – чему-то обрадовалась девчонка. – Должна же я как-то отблагодарить своего рыцаря...

«Твой армянин теперь каждый месяц нас на всю катушку благодарить будет», – подумал Иван, но в трубку этого говорить не стал.

...Лютый сидел на балконных перилах и всем своим видом выражал недовольство. Иван вышел на балкон. Осенний ветерок гонял по двору желтые опавшие листья и играл кисточками на кончиках кошачьих ушей. Парень погладил мягкую спину зверя и виновато попросил:

– Ты уж посиди здесь, у меня вроде как гости намечаются...

Лютый обиделся уже не на шутку, отвернулся и превратился в неподвижную статую.

Мягкая спина напряглась и стала каменной. Иван постоял ещё рядом, покряхтел, развел руками и ушел, прикрыв за собой стеклянную дверь.

Заверещал недорезанным поросенком дверной звонок. Иван открыл дверь. На пороге стояла знакомая курносая девчонка... Вроде знакомая...

Цвета воронова крыла густые волосы, ранее заплетенные в крысиные хвостики, рассыпались по плечам. Легкие штрихи косметики на лице превратили симпатичную девчонку в настоящую красавицу. Она стояла на пороге, теребя ремешок сумочки, голубые глаза смотрели на парня весело и чуть смущенно...

Иван немного обалдел.

– Здравсте, – выдавил он, пропуская гостью в квартиру.

– Здравствуй. А почему на «вы»?

– Да это я так, охре... то есть растерялся маленько. Больно ты сегодня красивая.

– Спасибо, – улыбнулась Маша. – А у тебя ничего, уютно... Только пыльно немного...

«Уютно» представляло собой однокомнатную квартиру с ветхим комодом, поцарапанным круглым столом, тремя скрипучими стульями и тумбочкой. Правда, кровать была роскошная, приобретенная дедом Евсеем Минаичем в незапамятные времена за копейки в комиссион-

ном магазине, а теперь, наверное, стоящая немереных денег, – дубовая, массивная, с резными ножками.

«Пыльно» – это тоже было мягко сказано. Маша скинула куртку, засучила рукава и шустро принялась за уборку.

– Да ладно тебе, я сам... – попытался вмешаться Иван.

– Сам ты уже месячишко точно ни к чему не притрагивался, – проворчала Маша, споро орудуя тряпкой.

Иван смирился с произволом и принялся помогать.

Потом они пили чай. Потом смотрели видео. Потом долго целовались. Потом Иван начал медленно расстегивать шерстяную вязаную кофточку на девичьей груди, и Маша вздохнула так, что Лютый на балконе наострил уши, покосился через стекло на всё это дело, махнул в душе на хозяина лапой и, решив, что он тоже не лыком шит, перелез на соседский балкон, а оттуда сиганул на крышу – знакомиться с персидской кошкой, сбежавшей на время от хозяйской опеки. Долго потом дивился хозяин дорогой животины, откуда у чистопородных детей его ненаглядной Эльвиры такие наглые, кровожадные морды и забавные кисточки на ушах...

Дореволюционная кровать была сработана на совесть, другая давно б уже развалилась от столь бешеного темпа любовной схватки. Маша стонала, закрыв глаза и обхватив руками спину парня. Иван смотрел на её лицо, полуоткрытый рот, разметавшиеся по подушке волосы – и... видел совсем другое...

Что-то животное просыпалось в нём, рождалось в центре мозга, горячей волной разливалось по телу, заставляя его все быстрее двигаться в бешеном ритме. Самый древний инстинкт, сильнее которого лишь голод и страх смерти, швырял его в бездну безумия, рождая в голове неясные образы...

В комнате, кроме них, не было никого. Но в то же время... Почти что закатившееся за крыши близлежащих домов солнце бросало в полуоткрытую балконную дверь последние тусклые лучи, пятная стены дрожащими, причудливыми тенями. Тени шевелились, создавая целый сонм гротескных, странных фигур, которые каким-то непостижимым образом жили и принимали участие в том, что сейчас происходило в комнате. Они тянули к Ивану свои неестественно длинные руки и что-то шептали нараспев расплывчатыми черными ртами.

Иван не понимал слов, но тихий, жуткий лепет бередил душу, будил скрытые желания, в которых порой страшно признаться даже самому себе.

Ему вдруг страшно, до безумия захотелось сделать девушке больно. Он понял, что ему сейчас нужно что-то большее, что отныне истинное, настоящее наслаждение с женщиной он сможет получить лишь тогда, когда это мягкое, податливое тело задёргается в судорогах, предшествующих агонии. Он представил, как его руки ложатся на горло Маши, как он начинает сдавливать его в такт движениям бешеного первобытного ритма, как рвется хрип из передавленного пальцами горла...

«Сделай это, сделай. Ведь так легко протянуть вперед руки и сжать такую тонкую шею, – шептали тени. – Посмотри, как бьется на ней жилка. Ну чего же ты ждешь, человек? Смелее, тебе понравится...»

...Иван вернулся из небытия от пронзительного крика. Кричала Маша, в широко раскрытых голубых глазах плескался ужас. Иван дернулся ещё раз, волна блаженства затопила его, он упал на девушку и как бы со стороны услышал собственное рычание, вместе с воздухом рвущееся из лёгких...

– Господи... О, Господи... – шептала девушка.

– Что с тобой, – прошептал Иван, постепенно возвращаясь в реальность.

– Ваня... У тебя было такое лицо... Тогда, в ресторане, я думала, что мне показалось...

Ванечка, ты же не человек... У людей не бывает *таких* лиц...

– Да ладно тебе, Маш, я самый обыкновенный. Только перемкнуло меня немного, но с тобой это и неудивительно.

– Ты сейчас обыкновенный, а тогда... И вот сейчас... Я боюсь тебя, Ваня... отпусти меня...

Она рванулась, пытаясь освободиться от его объятий.

– Да иди, кто ж тебя держит-то.

Иван встал с кровати и направился в ванную.

– То то им не так, то это не эдак, теперь морда моя не нравится... А если не нравится, то чего пришла-то, – ворчал он, включая душ и подставляя разгоряченное тело под струи ледяной воды.

Он вылез из ванны, вытерся и, приглаживая мокрые волосы, посмотрел в зеркало. Оттуда на него глянуло лицо вполне нормального бандита – пронзительные чёрные глаза, волевой подбородок, упрямые складки в уголках рта... Все путём. Иван подмигнул тому, в зеркале. Отражение ответило тем же. Парень совсем уже собрался выйти из ванной, но почему-то обернулся ещё раз... и застыл, снова и снова проводя рукой по подбородку.

Два часа назад тщательно выбритое лицо покрывала минимум трехдневная жёсткая щетина.

«Ванечка, ты же не человек...» – промелькнуло в голове.

– Маша, подожди!.. – закричал он, выскакивая из ванной.

Но в спальне уже никого не было.

* * *

Иван лихорадочно листал книгу, оставленную ему в наследство покойной матерью. И ничего не понимал. Да и мудрено было что-то понять в этой каше из хитроумных рисунков и закорючек, щедро пересыпанных текстом, написанным в большинстве своем по-ненашенски. Текст явно был записан в разное время разными людьми, причем иностранцами. Особо не вдаваясь в подробности, Иван бегло читал подряд редкие отдельные фразы на русском и листал дальше. Русские фразы были неровно накарябаны карандашом над тем, что было написано не по-русски. Наверное, это наш человек с внушительными мозгами, переводя эту галиматью, таким манером помечал для себя основное.

Иван читал вслух, с трудом разбирая полустертый от времени текст, написанный от руки:

– Так... Меченосцы рождаются через поколение... Змеи живут вечно, передавая через знак свою силу... Змеи, воссоединившиеся со знаком, набирают силу к рождению новой луны, Меченосец же слаб до тех пор, пока Луч Звезды не возьмет его кровь и его душу. Тогда он сам станет карающим мечом, способным убить... Кого убить? Ч-черт! Лист выдеран.

Во многих местах и текст, и карандашный перевод неожиданно прерывались, некоторых страниц не хватало. Листы крошились от старости. Иногда целые главы были вычерчены то ли китайскими иероглифами, то ли арабской вязью, над которыми вообще не было никакого перевода. Видимо, такое наш человек с карандашом и мозгами осилить уже не смог.

А еще были рисунки. Непонятные и местами страшноватые. И слишком живые, будто списанные с натуры. Хотя вряд ли встречаются в природе крылатые змеи, жрущие людей пачками, как креветок, и здоровенные мужики с длинными узкими мечами, в свою очередь жрущие этих самых змей.

– Эх ты, японский бог... – Иван откинулся на спинку стула. – Змеи, меченосцы. Бред какой-то. Конкретно у предков крыша ехала...

Он открыл форточку, и холодный ночной воздух обжёг лицо.

Город спал. Фонари вдоль дороги пялились жёлтыми подслеповатыми глазами в тёмные окна домов. Осенний ветер гнал по небу рыхлые тела облаков. Они на секунду заслоняли прон-

зительное, круглое и пустое, как зрачок наркомана, око полной луны и летели себе дальше. И от этого казалось, будто вечная спутница ведьм и ночных воров ехидно подмигивает Ивану.

Иван покосился на чёрный кинжал, лежащий на столе. Лунный свет отражался на лезвии, вдавленная в металлическую плоть полоска кровотока мерцала в полумраке комнаты. Блики призрачного света переливались на стальном жале, то вспыхивала, то гасла железная звезда на рукояти, дрожали металлические крылья, и казалось, будто кинжал шевелится, трепещет, живёт своей, непонятной жизнью и лишь ждёт сигнала, чтобы взлететь со стола и, воткнувшись в сердце первому встречному, с наслаждением пить, захлебываясь, горячую человеческую кровь...

«Кровь...» – зашептал голос в голове...

«Кровь...» – Горячая струя из прокушенного горла дембеля снова хлынула в рот...

«Кровь...» – Солёная жидкость затопила горло, обожгла желудок...

«Кровь...» – И рука вслед за чёрным кинжалом опять погружается в распоротый живот Седого...

«Кровь...» – Стучит, стучит, стучит в черепную коробку чужой мёртвый голос...

Иван вскрикнул, схватился за голову и упал на колени. Наваждение исчезло. Просто луна плыла в ночном небе, просто кинжал тускло блестел на столе...

– Да что же это! – закричал Иван, падая на кровать и зарываясь головой в подушку. Голова пылала. Казалось, будто невидимая микроволновая печь медленно поджаривает мозги Ивана изнутри...

Лютый, вернувшийся с гулянья, мягко перепрыгнул через балконные перила и осторожно вошел в комнату. Хозяин на кровати застонал и пошевелился. Кот подошел, вопросительно мяукнул и положил лапы на край матраса...

– Хреново мне, братан, ой, хреново... – Иван обнял за шею зверюгу, и та, пристроившись рядом, понимающе положила ему лапу на плечо.

– Крыша едет, глюки мерещатся... Голова... ох!.. так вот и сдохну здесь как падла какая, и никто и не почешется... И зачем вообще на свете живу? А, Лютый? На кой хрен мы на свете живем? Жрем, гадим, небо коптим?..

Голос парня становился всё тише и тише. Кот не шевелился, сосредоточенно глядя на хозяина. Тот помаленьку согрелся у теплого, мохнатого бока, успокоился, дыхание стало ровным. Иван уснул. Лютый осторожно поджал под себя лапу, свернулся клубком рядом с хозяином и тоже закрыл глаза.

* * *

Телефон трещал, надрывался, только что не подпрыгивал от усердия. Иван швырнул в него подушкой. Аппарат свалился со стола и заткнулся. Однако спокойствие было недолгим. Теперь звонили в дверь.

– Твою мать! – с чувством произнес Иван, с трудом приоткрыв один глаз. – И кого ж это черти разжигают ни свет ни заря?

Он поднялся с кровати, вышел в коридор, сшибая по пути стулья и натываясь на углы, открыл дверь и впустил в квартиру Сашку с Максом.

– Ты чего это, Снайпер, зашкерился, как Диоген в бочке? К телефону не подходишь, дверь не открываешь.

Сашка как всегда от души радовался жизни и улыбался от уха до уха.

– Ой, пацаны, отстаньте, – Иван поплелся обратно к кровати, – хреново мне.

– Слышь, Сань, а кто такой Диоген? – спросил Макс, усаживаясь на стул.

– Не знаю, – пожал плечами Сашка, запихивая во внутренний карман куртки сотовый телефон. – Со школы помню – мужик такой раньше был. Реально в бочке жил.

– В школе и набрешут – недорого возьмут. А чё это он, в бочке-то?

– Да не знаю я! По кайфу ему, значит, было. А может, укурьш по жизни. Вон у меня под окнами рынок, чурки фруктами торгуют, а из-под полы – травой. И молодняк сопливый со всего дома к ним бегаёт. Укурятся – и тоже – кто там же под прилавками кемарит, кто по бочкам из-под огурцов шкерится. Диогены хреновы.

Иван застонал под подушкой.

– Да чё с тобой творится, братуха? – не на шутку обеспокоился Сашка.

– Говорю же, башка болит – жить не хочется... – промычал Иван.

– Болеть там нечему, там кость, – авторитетно заявил Макс. – А может, его задвинуть? Баян у меня с собой. Сейчас пустим децел герыча по трубе – и все будет правильно...

– Нет уж, спасибо, без вашей наркоты обойдусь... – Иван выполз из-под подушки и теперь усиленно растирал виски. – Чего припёрлись ни свет ни заря?

Сашка рассмеялся:

– Киношку детскую помнишь? Долго-о-ок! В общем, дело есть для настоящего снайпера. В общем, бери, Снайпер, весь свой арсенал и поехали, надо одного лоха на понт взять. Если выгорит – будешь жить как шах Батый...

– Батый был хан, – сказал Иван, запивая из чайника таблетку анальгина.

– Всё равно, будешь жить не кисло. И заодно с долгом чести рассчитаешься... Давай-давай, шевели веточками, – Сашка заботливо помогал Ивану собраться. – Вот гранатки, вот пистолетик, с Божьей помощью, разведем на лавэ вражью силу...

– Да уберите грабли, садюги, сам я поди не беспомощный...

Удивительно, но от радостного Сашкиного трепа боль немного отпустила голову.

Иван собрался, засунул ключ под коврик, и компания скатилась вниз по лестнице...

Сашка крутил баранку и молот языком не переставая:

– Ну, значит, заезжаю я на малолетку. Захожу в жилой корпус. Пацаны все, сами понимаете, незнакомые, на меня смотрят. Ну подходит один постарше и говорит. «Видишь картину „Три богатыря“?» – и на стену показывает. Вижу, говорю, картина как картина.

«Хочешь четвертого богатыря увидеть?»

«Это как?» – спрашиваю. Тут меня сзади по кумполу кто-то табуреткой – херак... Я и вырубился. В себя прихожу, они все ржут, а старший прикалывается. Ну чего, говорит, четвертого увидел? А я ему: «Да от вашей табуретки этих богатырей там, по ходу, целое стадо выехало...»

Машина свернула в переулок, и Сашка выключил двигатель.

– Конец цитаты. Вперед, пацаны.

Он открыл дверь и шагнул в только что выпавший первый снег.

* * *

...И опять дверь. Чужая, и на этот раз последняя, как решил для себя Иван.

– Кто там?

– Это сантехник из ДЭЗа. От соседей заявка поступила – из вашей квартиры вода к ним течет. Откройте, пожалуйста, надо ваши трубы проверить.

– У меня ничего не течет, – отозвался через дверь мужской голос. – Какие соседи? Как их фамилии?

– Да я откуда знаю? Мне дали заявку, я и пришел, – рыкнул Сашка. И тут же прошептал на ухо Ивану: – Лох ушлый попался, сука, хрен откроет. Что, Снайпер, дверку выбить сможешь?

– Шуму много будет, – прошипел в кулак Макс.

– А ты потихоньку. Я ж помню, у тебя прямой ногой лучше всех шел. Все соседи на работе, никто не чухнется. Это фуфло, а не дверь, железо как бумага, хозяин на нормальную

дверь поспешил. Бей в замок! Если не получится – сваливаем! Если получится и там народу больше одного – не тормози, стреляй во все, что движется.

Иван без долгих уговоров молниеносно нанес тот самый прямой удар ногой в замок. Косяк треснул, дверь резко отскочила внутрь. Парни, ошетилившиеся стволами, быстро вбежали в квартиру.

Полный мужичонка пятился назад, заслоняя лицо руками. Сашка облегченно выдохнул, спрятал пистолет под куртку и легонько толкнул хозяина квартиры ладонью в грудь. Тот упал на диван.

– Не ссы, Капустин, – миролюбиво сказал Сашка. – Ограбим – отпустим. Если все бабки по-хорошему отдашь, твой портрет останется без изменений.

– Какие бабки? – пискнул хозяин квартиры.

– Н-да, – задумчиво произнес Сашка. – Стало быть, в портрете изменения всё-таки будут, – и резко хлестнул мужичка по лицу.

– Тебе люди на раскрутку денег давали? Давали. Ты с процентами вернуть подписывался? Подписывался. Тебе по-хорошему говорили? Говорили... – Каждая фраза сопровождалась ударом по лицу.

Голова хозяина квартиры моталась туда-сюда.

– Тебе счётчик включали? Включали. Ты на счётчик хрен положил? Положил.

Из носа и рта мужичонки хлестала кровь, но Сашка не прекращал допроса, в котором от жертвы ответов вовсе и не требовалось – всё и так было ясно.

– Ментам на людей стукнул? Стукнул. Их по сто шестьдесят третьей приняли? Приняли. И думал, с рук сойдёт? Гони бабки, падла, пока жопу паять не начали.

– Ребята, деньги в банке, – захлебываясь кровью и соплями, пролепетал истязаемый.

– В какой банке? В трёхлитровой? Или в пяти? В пятилитровую, я думаю, поместилось бы. А ты, по ходу, во мне фраера увидел? И решил мне за жизнь причесать? Макс, включай паяльник, дядя понимает только по-китайски.

– Там... – прохрипел мужик и указал на стену: – Там... – и бессильно откинулся на спинку дивана.

Расковырять заклеенный обоями тайник оказалось делом одной минуты. В бетонной стене было выдолблено солидных размеров углубление, в котором уютно сидел чёрный «дипломат». Достали. Открыли. В комнате настала гробовая тишина. «Дипломат» был плотно набит новенькими пачками денег с зелеными портретами заокеанских президентов.

– И как же ты, дядя, до сих пор живой-то? – задумчиво спросил Сашка.

Дядя не ответил. Он, свесившись с дивана, с остервенением жал на потайную кнопку сигнализации.

– А вот это писец. А писец мы не лечим, – прошептал Сашка. И заорал не своим голосом:

– Ноги, пацаны!

Троица рванула из квартиры, вихрем пронеслась по лестнице и метнулась к машине.

Где-то неподалеку уже завывали милицейские сирены. Сашка повернул ключ зажигания:

– Милая, хорошая, солнышко моё, только заведись!

Несмотря на дряхлость, мотор завелся сразу.

– Ну давай, ласточка моя, не подведи!

Сашка вдавил газ до пола. «Волга» с рёвом пронеслась по двору и, обдав стайку старушечий на скамейке облаком выхлопного газа, скрылась за поворотом.

* * *

Машина летела по пригородному шоссе. Макс расслабленно откинулся на заднем сиденье и заржал:

– Мне показалось, что еще немного, и ты ее трахнешь.

– Кого? – не понял Сашка.

– Тачку свою. Ты ее так уговаривал.

– А мне показалось, что еще немного – и нас бы нашли по жидкому следу, – рыкнул в ответ Сашка.

– По какому такому жидкому следу? – не понял Макс.

– По твоему. У тебя была такая морда, будто ты вот-вот обделаешься от страха.

– Ну ты сказал, в натуре...

– Железо надо скинуть, – перебил его Иван.

– А это еще зачем? – удивился Макс.

– Снайпер дело говорит, – поддержал Сашка Ивана. – Если нас со стволами примут, хлебать нам баланду до пенсионного возраста.

– А если тебя с чемоданом бабок возьмут, то орден на грудь повесят, – кивнул Иван. – С закруткой на спине. Ты лучше скажи, комбинатор, какого хрена я весь свой арсенал с собой приволок? Тому мужику достаточно было бы и Максовой улыбки...

– Так кто ж знал, что он один будет? Такие бабки обычно взвод «быков» стережет. А этот, вишь, жадный попался – только на сигнализацию раскошелился.

– Еще б маленько – и нам бы этого за глаза хватило... – Макс скалил зубы, но было понятно, что это не веселье, а реакция на только что пережитое. Бандит все не мог прийти в себя, дыша как загнанный бронтозавр и то и дело дрожащими руками куртки утирая со лба обильно струящийся пот...

«Волга» благополучно отъехала от кольцевой дороги около пятидесяти километров, свернула в лес и остановилась. Троица вышла из машины.

– А все-таки лихо мы это дело провернули, – Сашка с хрустом потянулся. – Люди-то, которым этот хмырь задолжал, сидят давно. Тёлка одного из них проболталась, а мы взяли да подсуетились... Хорошая, доложу я вам, тёлка...

Сашка подмигнул партнерам и от души рассмеялся так, как может смеяться очень счастливый человек, не обремененный заботами, проблемами и излишней, никому не нужной в наше время совестью.

– Бабки и стволы закопаем здесь, – уже серьезно и деловито подытожил он.

– Чтоб ты завтра спокойно сюда приехал и всё забрал себе, – продолжил Макс.

– Не понял, – Сашкина физиономия вытянулась, улыбка мгновенно превратилась в гримасу ярости. – Ты что, меня за суку посчитал? Да я...

– Стоп, – вмешался Иван. – Еще не хватало, чтоб мы тут друг друга перестреляли. Делаем проще – делим бабки, и каждый ныкает свою долю там, где хочет.

– А Снайпер дело говорит, – обрадовался Макс.

Сашка промолчал, недовольно сопя и обижаясь на весь белый свет.

Компаньоны, храня гробовое молчание, начали делить деньги.

– Чё, пацаны, ментеныш родился? – попытался пошутить Макс, но на его попытку разрядить обстановку никто не отреагировал.

Закончив дележ, компаньоны забрали свои доли и разошлись в разные стороны.

– Через полчаса сбор у машины, – хмуро предупредил Сашка. – Если кто в болото провалится, никого ждать не буду.

...Иван брел вглубь леса, пиная жёлтый ковёр мёртвой листвы. На полянке ему приглянулся здоровенный дуб, несмотря на позднюю осень почти полностью сохранивший свою зеленую крону. «Вот ты мне и побережешь пока дедово наследство», – подумал Иван.

Он завернул пистолет, гранаты, деньги и чёрный кинжал в один полиэтиленовый пакет, засунул сверток в другой такой же пакет и перевязал всё это шпагатом. Потом Иван долго ковырял землю у корней дерева крепкой сучковатой палкой, пока не получилась довольно вну-

шительная яма. Засунув свой клад под узловатые корни, парень засыпал его землей, утрамбовал и сверху насыпал кучу опавшей листвы.

– Смотри, старина, не подведи – сказал он дубу. – Постереги пока моё добро. На тебя вся надежда.

Дуб прошелестел чего-то оставшейся листвой и то ли от ветра, то ли сам по себе качнул уже лысой макушкой – мол, не бойсь, парень, всё будет в порядке.

Иван усмехнулся, погладил шершавую кору дерева и не спеша направился к машине.

* * *

Взяли их на кольцевой. Гаишник поднял полосатую палочку, подошел к «Волге» и подтянул голову к руке, отдавая честь.

– Ваши документы...

Сашка матюгнулся про себя и полез в карман за деньгами.

– Ну чего, старшой, сколько на этот раз хочется? Штуку? Две? – почти дружелюбно спросил он, доставая бумажник, набитый деньгами. – На тебе пять, у меня сегодня праздник...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.